

84(2-632.1)-5
№ 893

МУДРЫЙ
БОГАТЫРЬ

476410

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач.

8 ТМО Т : МЛД 3-2146-85

Мудрый

Михаил
Чевалков

Павел
Чагат-Строев

Мирон
Мундус-Эдоков

богатырь

ПОЭМЫ

СТИХИ

БАСНИ

Переводы
с алтайского

Горно-Алтайское отделение
Алтайского книжного издательства. 1987

84(2-632.1)-5843

С (Алт.)
М — 893

Редактор П. Самык

Составитель и автор послесловия Б. Бедюров

Рецензенты А. АДАРОВ, К. Козлов

Художник В. Тебеков

**Чевалков М. В., Чагат-Строев П. А.,
Мундус-Эдоков М. В.**

М 893 **Мудрый богатырь: Поэмы, стихи, басни.** — Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, 1987. — 136 с.

Впервые в переводах на русский язык публикуются поэтические произведения основоположника алтайской словесности М. В. Чевалкова и зачинателей советской алтайской литературы П. А. Чагат-Строева, М. В. Мундус-Эдокова, оказавших заметное влияние на творчество современных поэтов Горного Алтая. Поэмы и басни писателя-просветителя Михаила Чевалкова проникнуты идеями демократизма, зовут к прогрессу, в них звучит протест против социальной несправедливости. Поэма «Мудрый богатырь» Павла Чагат-Строева впервые на алтайском языке ярко, в духе устного народного творчества, воспекает В. И. Ленина. Творчество Мирона Мундус-Эдокова наполнено пафосом революционного обновления жизни.

Уже первые стихи, песни и поэмы новой словесности, родившейся после Великого Октября, самобытно, с подлинным вдохновением отображают преобразования в горах, зовут к дружбе и братству между народами.

М 4702070000 030 64 — 87
М 138 (03) 87

© Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, 1987

0476410 V

5-МБ-псб-87

Михаил Васильевич
ЧЕВАЛКОВ
(1817—1901)

ПАХАРЬ И ОХОТНИК

Их было двое, сыновей
У доброй матери своей.
Однажды смерть — судьбина зла —
К отцу и матери пришла...
Печаль, но дальше надо жить,
Наследство надо поделить.
Две лошаденки на двоих
Да две шубенки на двоих,
Зерно в амбаре пополам,
И пополам весь скарб и хлам.
Делили, лишнего не взяв
И злого слова не сказав.

Еще осталось поделить
Плуг и ружье, но как тут быть?
Сказал, подумав, старший брат:
— Ружье мне будет в аккурат,
Припасы пороха-свинца, —
Благословением отца...
Не споря, младший отвечал:
— А я бы плуг отцовский взял,
Пусть мне он будет до конца
Благословением отца...
Так каждый выбрал жребий свой,
Доволен будущей судьбой.

И младший брат на семена
Сберег достаточно зерна,
Поймал коня, пойдя на луг,
Запряг его в отцовский плуг,

Вспахал, засеял свой надел,
Над ним до осени радел.
Густая нива с края в край!
Отменный собран урожай!
И дети у него с едой,
Жена в обновке дорогой,
Сам пахарь сыт, обут-одет
И силой хлебною согрет.

И он на следующий год
Пошире пахоту ведет,
Раздвинул пахоты края —
И стала лучше жить семья.
На третий и четвертый год
Он шире пахоту ведет, —
Обильней стал плодиться скот,
Родня за помощью идет.
На пятый год — гора зерна!
Довольны дети и жена,
Сам пахарь щедр, отзывчив был
Ко всем, кто помощи просил.

И на шестой обильный год
Возами он зерно везет,
Умножились его стада,
Нужды не стало и следа,
Он звон изведаль серебра,
Он нажил разного добра,
Соседей щедро угощал,
Подкармливал, кто отощал.
Поставил новый теплый дом,
Теперь нужды не знал ни в чем.
От земледельческих забот
Растет достаток каждый год.

Но тех, кого гнетет нужда,
Кого преследует беда,
Не оставлял он никогда.
Для гостя — лучшая еда!
И неприкаянных сирот
Он сам к обеду позовет...
Так он с отцовским плугом жил,
Так уваженье заслужил,
Так слава добрая пошла
В народе про его дела,
Так с земледельческим трудом
Пришли достаток, счастье в дом...

Брат, выбравший себе ружье,
Сказал: «Решение мое —
Охотой жить, добыть зверей:
Отменных черных соболей!
Добыть, я думаю, легко
Маралье жирное мяско!»
Взял хлеба в путь он и ружье,
Легко вскочил в седло свое,
И трогая коня, сказал:
«От пули не уйдет марал!»
Охотничьей дороге рад,
В тайгу поехал старший брат.

Он по тайге два дня бродил —
Лишь косуленка подстрелил,
Но съел он мясо за два дня,
Гоняя по холмам коня.
Еще шесть дней в тайге бродил —
Лишь мараленка подстрелил,
Дней пять был сыт, а, может, шесть,
И снова — нечего поесть.
Как в первый день — он в день седьмой

Спустился с гор с пустой сумой.
Но — дело случая — у скал
Барана пулю достал.

«Пришла удача!» — он решил
И вновь коня заторопил.
Прошел за месяц сто дорог,
Добыть немного дичи смог,
Сам обессилел, конь без сил,
Пришлось вернуться в свой аил...
Семья уселась за обед, —
Идет один, другой сосед,
Идут и день, и два подряд
И маралятинку едят,
У очага после гостей
Гора обглоданных костей..

«Как дальше жить? Что делать? В срок
Я подать уплатить не смог,
Нет мяса и погас огонь,
И обезножел верный конь.
Ну что добыть я здесь смогу?
Мне надо двигаться в тайгу,
Нельзя мне мешкать даже дня,
Найму я где-нибудь коня...»
Маралью шкуру он отдал
За пот коня*, припасы взял —
Жене прибавилось нужды,
Остались дети без еды.

«Что ж, до весны уйду в тайгу,
Авось разбогатеть смогу», —
Так размышляя ехал он.

* Пот коня — устойчивое словосочетание, означающее аренду коня.

Вот золотой таежный склон:
Здесь промышлял он много дней,
Но зверь давался все трудней.
Сума пуста, иссяк припас
И конь всю силу порастряс,
Уже в тайгу пришла весна —
Но все добыча не видна,
Тоска по близким — нету сил...
Домой охотник поспешил.

И каменистою тропой
Едва ступает конь чужой,
Бессильные, едва бредут...
А уж соседи тут как тут:
С охоты, брат, обычай знай —
Гостей дичинкой угощай!..
Опять семье после гостей —
Гора обглоданных костей.
Тогда пришлось продать коня,
Да брат отсыпал ячменя.
Кой-как прожить охотник смог,
Но нечем выплатить налог.

Он продал шубы и ружье,
Семье осталось лишь рваньё,
И нет несчастнее жены,
И ребятишки голодны.
Со всей семьею, нищ и гол,
Охотник по миру пошел.
Собаки гонят от дверей,
Встречают кони, как зверей,
Храпят как будто на врага,
Быки нацелили рога...
Крутая стужа, лютей зной —
Семье все беды до одной!

Брели несчастные они
Среди насмешек и ругни...
Так загубил свой дом, свой век,
Так стал бродягой человек.
Его беда, его вина —
Бродяжкой стала и жена...

Охотник! Выслушай, пойми:
Свой пыл охотничий уйми,
Охотой лишь не проживешь,
Не сея золотую рожь —
Богат не будешь никогда!
А сила хлебного труда
Спасет и выручит всегда!

1872 г.

СПОР АРАКИ* С ЧАЕМ

К Амзуру** Чай пришел с мольбой:

— О рассуди нас с Аракой!

Амзур подумал и спросил:

— Скажи мне, кто тебя вскормил,

Какою матерью рожден,

Пришел сюда с каких сторон?

У зверя шкура есть и шерсть,

У человека имя есть...

Скажи мне — как тебя зовут,

Ты по какому праву тут?

Коль дело есть, так речь веди,

А нету дела — уходи.

Ну, чужестранец, отвечай!

И мудрецу ответил Чай:

— В Китае дальнем я рожден,

Отец мой — плодородный склон,

Мать — родниковая вода,

И людям нужен я всегда.

И вот, рожденный далеко,

Я, как грудное молоко,

Любимый всем народом Чай:

Когда я есть — гостей встречай,

Мой дом — любой шалаш, аил...

Всегда я почитаем был,

Был властелином я, пока

Не появилась Арака!

* Арака — зд. вино, водка.

** Амзур — кисточка для дегустации напитка.

Она в аилы забралась
И по Алтаю разошлась,
И обеднила весь народ —
В долгах по шею тот, кто пьет.
Пленила множество людей
И грабит села, как злодей,
В неволю превращает жизнь...
О, рассуди нас, разберись!

Тут Араку Амзур спросил:
— Скажи, а кто тебя вскормил,
Где родилась ты, где твое
Родное стойбище-жилье?

Ее ответ:

— Живу в домах,
В сердцах веселых и умах,
Хмель — мой отец,
Пшеница — мать,
А стойбищ мне не занимать:
Где рожь-пшеница поднялась,
Там я на славу родилась!

Амзур:

— Ты вытеснила Чай,
Как ты посмела, отвечай,
Базар у Чаея отобрать,
Торговца Чаем обобрать?
Зачем ты всем мешаешь жить,
Как смеешь всюду сторожить,
Хватать и обирать людей
Сильнее, чем любой злодей?
Ты всюду сиротишь детей!
Кто сможет из твоих сетей
Освободиться, отвечай —
Зачем ты там, где правил Чай?

В ответ:

— Скажу тебе, Амзур, —
Я дочь веселья. Тот, кто хмур,
Меня отведав, будет петь
И медью голоса звенеть.
Я даже увальня могу
Кричать заставить на бегу.
И даже хилый и больной
Бывают бодрими со мной.
Бывают и хитрец, и плут
Обмануты, куда пьют.
Есть Арака — гудит шоор*,
Веселый льется разговор.
Старушка, выпив Араки,
Хватает в руки сыбыскы*.
Послушай, мудрый, гнев умерь
И Чаю скучному не верь,
Во мне плохого капли нет,
Я — веселящий вешний свет,
Я — светлый сок озимой ржи,
Подарок лучший для души.
Не власть я, а купцов раба,
Скитаться — вот моя судьба.
Печальных всюду веселить,
Надежду в грустного вселить,
Из труса — чудо-смельчака
Кто сделать может? Арака!

Амзур:

— А ну-ка отвечай —
Чем плох народу добрый Чай?
— Отвечу. Чайные тюки,

* Шоор, сыбыскы — народные духовые музыкальные инструменты.

Сбивая спины, прут быки,
Нужны ему огонь, вода,
Заваришь, выпьешь — ерунда.
В награду за заботы те
Урчит от Чая в животе,
Скажи-ка, польза велика! —
Так отвечала Арака.

Чай рассерчавший возразил:
— Я добавляю людям сил,
Усталых пробирает пот,
Умнее разговор идет.
Но из любого — дурака
Способна сделать Арака!
Нараскоряку он идет,
В свой дом дорогу не найдет.
Вот поубавилось скота,
И денег нет, и жизнь пуста,
И нет ума у мужиков,
И силы нет у стариков.
Тот пропил отчее добро,
Тот в драке поломал ребро,
Тот руку вывернул, тот смог
Лишиться сразу рук и ног —
И будет всюду так, пока
Народом правит Арака!

Тут Арака ему в ответ:
— Хлебаешь Чай, а толку нет,
Никто от Чая не полнел,
Никто от Чая не умнел!
— Уж от тебя огромный толк!
Ты бродишь, как голодный волк,
Грызешь, людей лишаешь крыш,
Ты синим пламенем горишь!

Людей пускаешь тут и там
Шататься праздно по дворам!
Ты без разбору все гребешь,
Ты — бедным женам в сердце нож!
Пьянчуг бодришь и веселишь,
А малых деток — сиротишь!
Ты будоражишь кровь собой,
Толкаешь в драки и разбой,
И сын, напившийся винца,
Поднимет руку на отца,
А тот, кто постоянно пьет,
И мать родную изобьет!
Сироты за тобой — смотри,
Людей ты травмишь изнутри!
С тобой в застолье бедняки,
Детей ты гонишь в батраки.
Незлобный выпьет — стал злодей,
Ты губишь сотнями людей!

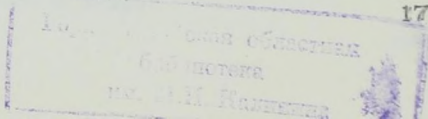
— Сердитый Чай, помилуй бог,
Ко мне несправедливо строг,
Со мной несправедливо крут,
Меня же люди сами пьют,
Потом шатаются они...
Меня напрасно не вини,
При чем, скажите, Арака,
Коль нет ума у дурака?
Я чисто полощу нутро,
Но если вылакать ведро —
Тогда, скажи, при чем тут я,
Струя веселая моя?
Я чисто полощу кишки,
И молодежь, и старики
Меня с большой охотой пьют,
Моя ль вина, скажи-ка, тут?

476410

Не осуждай меня, пока
Веселье дарит Арака:
Народ от века выпить рад,
Не зная, что глотает яд.
Скажи, моя ли в том вина,
Что я для свадеб так нужна?
Беспечный выпил чашку-две —
Потом валяется в траве.
Скажи, моя ли в том вина,
Что для беседы я нужна?
Когда бы каждый пить не мог,
Кого бы я свалила с ног?
Зачем стыдите Араку?
Я славу торго берегу,
Но виновата ль я сама,
Что пьют бездумно, без ума?
Меня неправо не кляни,
Я — угощение родни,
Но пьют меня до дна всегда,
Не думают: на дне — беда.
О, Чай, не мой ты мне костей,
Я — угощение гостей,
Но до последней капли пьют,
Какое уж веселье тут!

Меня напрасно не срами,
Я — для беседы меж людьми,
Но ведь последнее пропьют,
Не думая, что пропасть тут.
Еще скажу без хвастовства,
Что я нужна для сватовства,
Но кто меня без меры пил,
Тот сам себе болезнь купил.

Скажи, какая в том вина,
Сойдутся братья — я нужна,

Но до безумья пьют меня
И начинается резня.
Скажи, какая в том вина,
Что встретить зятя — я нужна.
Он жемчуг, пьянствуя, растряс,
Приблизил свой последний час,
Последний продал сена стог,
Чтоб замертво свалиться с ног,
Пропил последние дрова,
Чтоб одурела голова,
Чтоб по миру пошла семья —
Без меры пил, при чем тут я?

Я не бездумна и не зла,
Я — мир, взаимная хвала,
Но попадаю к дураку, —
И вся вина на Араку!

Амзур сказал:
— Мне суть ясна,
Твоя заслуга и вина.
Но отвечай и честной будь —
Об этом знает кто-нибудь?

— Про это знает весь народ,
Кто пьет и даже кто не пьет.
Дурак напьется в кабаке,
А вся вина на Араке,
По пьянке изобьет жену
И свалит на меня вину.
Напьется, обругает мать,
А виновата я опять.
И даже с пьяных глаз иной
Отца ударит — я виной.
— Кто как собака околел?

— Пьянчуга это околел!
— Что там столпились мужики?
— Сосед сгорел от Араки!
— Кого это ведут на суд?
— Пьянчугу горького ведут!
— В чем виноват, бедняга, он?
— Он в пьянстве преступил закон!
— Кто там под розгами орет?
— Пьянчугу взяли в оборот!
— Кого это стыдит народ?
— Пьянчужку, что без меры пьет!
Но по моей ли все вине?
Я не зову — бегут ко мне!
В болото силой не тащу,
Не пей — я денег не взыщу.

Амзур сказал:

— Страшны, скверны
Пьянчуги, но твоей вины
Большой за их деянья нет, —
Спасешь ли глупого от бед?
Сунь руку в пламя — опалишь,
Сунь голову — совсем сгоришь.
Залезший в петлю — не жилец,
И пьяный — заживо мертвец.
Ходить по камням — ноги сбить,
Беду нажать, коль много пить.
Стыд быть нагими не велит,
Хмельное буйство — горший стыд.
Для женщин хмель — двойной позор!
И ружья прячь, и прячь топор,
Коль корчит хмелем мужика.
Мать у пьянчуги — арака.
Был сын как сын, но пьет теперь,
Не человек, а черт и зверь!

Жена гадюку видит в нем,
Лягушку дети видят в нем.
Противен даже для родных —
Каков же он в глазах чужих?
Он безобразен, как свинья,
И Арака его семья.
Хлеб зачерствеет — не беда,
Душа черствеет — навсегда,
Ошибок трезвый не лишен,
Но не преступит он закон,
А тот, кто постоянно пьет —
Умрет, убьет иль украдет!

1872 г.

ЗВЕРИ АЛТАЯ

Порешили звери: выберем зайсана,*
А для сбора подати надо албанчи.**
И судья нам нужен — честный, без изъяна,
Умный, совестливый нужен темичи.***

Порешили звери: созовем собрание!
Выберем достойного на высокий пост.
Чтоб не опоздали малые и дальние,
Через реку быструю выстроили мост.

С ревом через гору, через дэбри темные
Первым на поляну выбрался медведь.
Серый волк, покинув логово укромное,
С воем сход звериный вышел посмотреть.
Вскоре росомаха в шкуре разлохмаченной
Принеслась, оставя мшистые леса.
В темноте, сторожко, в травах морду пряча,
Выскользнула рыжая хитрая лиса.

Из дремучей чащи горного отрога
Мягко и бесшумно прискользила рысь.
И купцы щекастые, стражи солнцепека —
Два сурка на сборище важно приплелись.

Семена короткими лапами по тропам,
Прибыл остроносый дедушка-барсук.

* З а й с а н — выборный вождь рода, племени.

** А л б а н ч и — сборщик налогов, податей.

*** Т е м и ч и — помощник зайсана, выступающий в роли судьи.

А в вечерних сумерках молнией-галопом
На лужок косуля выскочила вдруг.

Заяц тоже выбрался — заяц храбро бросил
Лежку безопасную в частом тальнике.
Со скалы спустившись, круторог и грозен,
На поляну вышел к ним козел-теке.

И марал-красавец, голосом богатый,
Протрубил прибытие в свой могучий рог.
И — рога лопатой — великан-сохатый
Выбирать зайсана вышел на лужок.

И гнедой, щекастый, словно столбик легкий,
Встал среди поляны хомячок.
Две сестренки серенькие — мышки-полевки —
Юркнули тихонько на лужок.

В тесных и высоких травах завязая,
Кое-как добрался кровосос-хорек.
Лап не пожалевши, всем помочь желая,
Прибежал веселый колонок.

«Без меня не будут выбираться власти!» —
Горностай промолвил и не опоздал.
В норке не сиделось даже зверю-ласке,
Солонгойчик тоже не последним стал.

Он боялся плети грозного зайсана,
Он поторопился, а вослед за ним
Появился суслик. Тихая поляна
Стала наполняться гомоном лесным.

Выдра, что скрывалась под крутым обрывом,
Вышла, как собрался весь народ лесной.

Постыдился вылезть в круге говорливом
Только престарелый черный крот слепой.

Да в дупле осталась гордая летяга:
«Кто летать умеет — топтунам не друг».
Между тем клыкастых хищная ватага
Собралась в отдельный тесный круг.

Все другие смирные — грызуны, копытные —
По другую сторону сбились на совет.
А зверушки мелкие, землеройки с белками,
Принялись готовить хищникам обед.

Грозные клыкастые звери возгласили:
«Нам в зайсаны мудрого надо выбирать,
Чтобы отличал он золото от пыли!»
Волк вдобавок рыкнул: «Надо выбирать
Знатного, богатого!» Росомаха следом:
«Нам непобедимого надо выбирать!»
И лиса не медлила со своим советом:
«Стройного красавца надо выбирать!»

Грозные клыкастые меж собой рядили:
«Золото от пыли отличит медведь,
Быть ему зайсаном!» Так и порешили,
Подписали грамоту — надолго и впредь.
«В темичи-помощники нужен востроглазый!
Есть в глазах у волка строгость и гроза!»
И судьбою волка утвердили сразу.
Про лису сказали: «У нее глаза
Под землю видят — умные да злющие.
Будет албанчи она». Поставили на том.
Так вот мясо жрущие, кровь чужую пьющие
В лютое начальство вышли над зверьем.

Звери беззащитные слушали решение,
Слушали олени, слушал солонгой.
Подписали молча и без возражения —
Только б не погнали сразу на убой.

А медведь лохматый, сделавшись зайсаном,
Пожирал бесстыдно все, что нес народ.
Жадный волк работал зло и неустанно —
Не судил, а резал племя и приплод.
Лисанька-плутовка, сборщица налогов,
По три шкуры драла. Хоть «спаси!» кричи.
Пир горой клубился у вельможных лóгов,
Пожирал излишки лютый темичи.

И зайсан лохматый не бывал в обиде,
Вволю напивался пьяной араки.
Жили так, на шее у народа сидя,
Всех, кто обнищали, гнали в батраки.

Чтобы их задобрить, араку тащили —
Стал медведь зайсаном буйной араки.
Пили днем и ночью, жили не тужили,
Разбирать прошенья стало не с руки.

Лето все начальники весело гуляли,
А к прошеньям каждый был и глух, и нем.
Всех, кто без подарка жалобы подали,
Наградив затрещиной, выгнали ни с чем!

...Эй, зайсан, темичи, албанчи!
Или вам — кричи не кричи?..
Если ты обобрал бедняка,
То жирнее не станет щека.
От стыда не бледнеет щека
У отдавшего хлеб бедняка.

Век рабочий — добром оторочен,
Век бездельника — много короче.

Может, станет светлей голова,
Коль запомните эти слова:
«Объедающий бедных рот,
Очерняющий честных рот —
Осмеет и осудит народ!»

1893 г.

БЕДНЫЙ КРОТ И БОГАТАЯ СОРОКА

Сорока раз пришла к Кроту издалека,
Решила обмануть наивного зверька.
Над норкою присев, приветливо сказала:
«Давай посеем хлеб. Я знаю, что немало
Мы сможем вырастить колосьев золотых,
А урожай давай поделим на двоих.
Наварим араки, накупим чая, ситца,
И созовем гостей, и будем веселиться.
И станем на коне верхом вдвоем кататься,
Дружить, дружить, дружить, вовек не расставаться!
Без споров, ругани, тот — вспашет, тот — посеет,
А если кто из нас внезапно заболит,
Второй за полем непременно проследит.
А если албанчи за податью примчит,
Скажи мне — прилечу и заплачу...»

«Хоть дело верное, но мне не по плечу, —
Ответил Крот невесело Сороке, —
Хоть я еще силен, но старость на пороге,
Хоть плотный мех, но мерзну на ветру,
Глаза слабы — ну разве разберу
Где семена, где грязь... Со мной одна морока...»

Кроту ответила коварная Сорока:
«Зерна найду, чтоб сеять мы смогли,
Ты распаши надел, да почву разрыхли.
Созреет хлеб, и после обмолота
Зерно поделим — вот и вся работа».

Поддался Крот ее посулам лестным,
Работал так, что шкура пооблезла:
Посеял семена, что выдала Сорока,
Хлеб родился густой и вызревал до срока.
На ровном месте вытоптав гумно,
Крот взялся жать добротнó и умнó.
И обмолот богат, и кончилась страда,
И Крот устал от страшного труда,
Когда же урожай очистил от половы,
Остался бурт зерна и стог пустой соломы.
Сорока тут как тут и говорит Кроту:
«Поделим урожай. Бери себе вон ту
Большую — так и быть, тебе по праву — кучу,
Она твоя, она сытней, вкусней и лучше.
Вот плата честная за труд и едкий пот,
Бери и заживешь без горя и забот...»

Кроту невмоготу соломою питаться
И начал он слезами уливаться,
Потом решил зайсану бить челом,
А чтобы не стоять как нищий пред столом,
Взял у соседа араки в подарок,
Подарок бедноты — богатому приварок.
Разбивши ноги, он пришел в аил,
Где жил зайсан и грозный суд вершил.
Крот вымолвил привет, склонившись робкой тенью,
И трубку раскурил в знак просьбы и смиренья.
А после, протянув дрожащею рукой
Тяжелый тажуур* с заемной аракой,
Сказал, едва дыша: «Бесстыжая Сорока
Меня обчистила. Суди нас, ради бога!
Мы поле засевали заодно,
И вот она взяла себе зерно,

* Тажуур — кожаная посуда.

Слепого провела, солома — мне досталась.
Нельзя ли отсудить зерна хотя бы малость...»
Зайсан в ответ на эти упования:
«Зимою соберем всеобщее собрание,
Сороку допрошу я при народе всем,
Твой труд не пропадет, и не горюй о том».

Пришла зима. Народ собрался весь.
Пришел зайсан, неся живот и спесь.
Крот снова бьет челом: «Властитель, извините!
Пришла пора решать, Сороку осудите!»
Зайсан в ответ небрежно: «Не кричи.
Пусть судят мои слуги-темичи».
Крот к темичи с мольбою: «Ради бога!..»
Те не тянули долго. И Сорока,
Немедленно представ перед судом, —
Давай Крота винить! И все пошло вверх дном.
И плутня ни при чем, а Крот во всем виновен.
Крот растерялся, слова молвить не способен.

И судьи пьяны — ни вперед и ни назад,
Так и не поняли — кто прав, кто виноват.
Напала на Крота кручина из кручин:
«Куда податься? Глухи сердцем темичи!»
К зайсану вновь идет. Тот нехотя поднялся,
Пощечину вlepил и слушать отказался:
«Никто из темичи ее не осудил?
Знать, сам ты урожай продал или пропил!»
Тяжел Кроту позор, не по плечу награда.
Глумятся темичи, смеются до упаду.
Сороку же за то, что одурачен Крот,
Зайсан к себе служить в советники берет...

Неверные! Народ всю правду говорит:
Когда судья теряет честь и стыд,
Когда он во хмелю ведет допрос,
Когда он в чванстве задирает нос,
Ему в конце концов несдобровать,
Его в народе станут проклинять.
Кто перешел всевластия черту,
Тот сам падет в позор и нищету.

1887 г.

СЕНОСТАВКА И ЛЕНИВАЯ ЛЯГУШКА

Шла Лягушка через луг —

Прыг-скок, прыг-шлеп!

Как прекрасно все вокруг —

Прыг-скок, прыг-шлеп!

Хороша густая травка,

Так цветочки хороши!..

Тут навстречу — Сеноставка,

А за нею — малыши.

Говорит Лягушка: Здравствуй!

Та в ответ Лягушке: Здравствуй!

— Есть ли новости, соседка?

— Все по-старому, соседка!

Лягушка: — Домик твой близко иль далеко?

Сеноставка: — Домик мой, где камни склона

Дышат жаром солнцепека.

Я кормлюсь травой зеленой.

Лягушка: — А чего же здесь ты бродишь,

И детей с собою водишь?

Сеноставка: — Чтоб никто о нас в народе

Не сказал худого слова,

Я учу детей работе.

Чтобы честно и толково

Жили дети и трудились,

И не стали болтунами,

Чтобы делу научились,

Чтоб росли не шалунами.

Лягушка: — А-а-а... Прости, что я зевнула...

Сеноставка: — Ты далеко ль поскакала?

- Лягушка: — Я под кустиком уснула,
А теперь вот солнце встало,
Припекло, нужна прохлада,
Вот ищу получше место...
- Сеноставка: — Э-э, так ты лениться рада —
Дело лодыря известно.
- Лягушка: — Я спала, а не ленилась,
Подойди ко мне поближе,
Кто такой, скажи на милость,
Лодырь?
- Сеноставка: — Ты глупа, я вижу!
Лодырь — человек-бездельник,
Ест да спит, беды не знает,
Хоть живет в нужде, без денег,
Но работать не желает.
Ты такая же, не лучше,
Ты не знаешь о работе,
В лени сонной и дремучей
Что ни день — лежишь в болоте..
- Лягушка: — Да, я плаваю в болоте.
Кто сказал, что я — плохая?
Плох ли тот, кто о работе
Забывает, отдыхая?
- Сеноставка: — Бултыхаясь в этой луже,
Ты поганишь только воду,
Очень плох, худого хуже,
Презирающий работу.
- Лягушка: — Что стыдиться мне, родившей
Кучу деток в этой луже?
Плох ли труженик, под крышей
Богатырским сном уснувший?
- Сеноставка: — Та вода, считай, пропаща,
Где лягушкам стало тесно.
Плох ленивец праздно спящий,
Он собой поганит место!

- Лягушка: — Чем же я плоха, пуская
Тьму детей-икринок в воду?
Чем же плох, кто, отдыхая,
Забывает про работу?
- «Сеноставка: — Воду пить, икру глотая,
Препротивно — в самом деле,
А на спящего лентяя
И глаза бы не глядели!
- Лягушка: — Кто, скажи, мои осудит
Перепончатые пальцы?
Чем плохи иные люди —
Непоседы и скитальцы?
- «Сеноставка: — Некрасив покрытый пленкой
Твой, труда не знавший, палец.
Плох, кто ищет жизни легкой —
Кто живет как постоялец.
- Лягушка: — Дурно-ль — рыба знает реки,
Я — болото здесь — на месте.
Что плохого в человеке,
Если часто в гости ездит?
- «Сеноставка: — Стидно! Ты, ища потеху,
Воду тинной замутила.
Так же стыдно человеку
Праздно шляться по аилам!
- Лягушка: — Что плохого — на свободе —
Прыг да шлеп — хожу прыжками?
Плох ли тот, что просто бродит,
Поле меряя шагами?
- «Сеноставка: — Ты упрыгнешь недалеко
С тонкой от безделья кожей,
Лодырь, трутень, лежебока
Солнца свет любить не может!
- Лягушка: — Кто же этот работающий,
Тот, кого ты хвалишь много,

Кто достойный, настоящий —
Растолкуй мне, ради бога!
Сеноставка: — Выслушай меня, лягушка!
У трудяги-человека,
И когда нахлынет стужа,
Много хлеба, а не снега.
Лодырь любит дым аила,
Дом, где можно покормиться,
Ремесло ему постыло,
Не приучен он трудиться.
«Кто пороги обивает?
Кто оборвыш и бродяга?»
«Э-э, лентяя всякий знает,
Есть и спать он — работяга».
У лентяя нету сена
Для единственной лошадки.
Его тени в доме — тесно,
А ногам на тропке — шатко.
У единственной коровы
Ни загона, ни сарая.
Лошадь мучают сороки,
Раны расклевать стараясь.
У лентяя даже шуба
Вшами, гнидами покрыта.
Лошадь старая беззуба.
Сапоги совсем разбиты.
Работящий ждет рассвета,
А бездельник ждет заката:
Крышу он не чинит летом,
Хлеб не сеет — жать не надо.
Работящий цену знает
Даже часу, даже мигу.
Лодырь по ветру пускает
Тыщелистной жизни книгу.

Труд найдет себе работник:
Он скорняжный труд освоит,
А назавтра он же — плотник,
Добрый дом семье построит.
Скот его всегда с кормами.
Что сломалось — он подправит.
Он и с хлебом, и с дровами.
И нужда его не давит.
Учит он детей толково,
Честно, радостно трудиться...

Эй, бездельник, слушай слово!
Так в народе говорится:

Вид лентяя — одежда и кожа —
Напоминают жильё пустое.
Юрта на мельницу очень похожа,
Ту, что весной разметало водою!

1881 г.

БАБОЧКА И ПЧЕЛА

Пчела летала от цветка к цветку,
Брюшко в пыльце, как в солнечном пуху.
Тут бабочка навстречу появилась
И, крыльями взмахнув, нимало удивилась.
— Зачем ты возишься у каждого цветка?
И пачкаешь брюшко? И мнешь свои бока?
Смотри, как мои крылышки чисты —
Во мне не меньше будет красоты,
Чем у жар-птицы самой расписной.
И птице не угнаться вслед за мной —
Как лунный шелк, легки мои крыла...

Не отрываясь, ей ответила пчела:
— Порхая так, ты не построишь дом.
Ты хвастаешь, не думая о том,
Что лето кончится, застынут все ручьи,
И крылышки расклеются твои.
Над озером ты весело кружишься,
Красуешься, беспечно веселишься.
Но скоро оголятся тополя,
И инеем покроется земля.
От голода в заснеженной пустыне
Ты съежишься и намертво застынешь.
Ты обо мне с презреньем говоришь,
А погляди — в моем дому тепло и тишь,
Запас еды в надежной кладовой
Послаще всякой ягоды лесной.
Что там скрывать, мне хлопотно сейчас,
Зато зимой сыта я всякий раз.

Сегодня я работаю в поту,
Но завтра побираться не пойду.
Мне будет чем встречать своих гостей,
С родней делиться и кормить детей.

Но бабочка резвилась, как всегда...
А лето пролетело без следа.
Потом, едва настали холода,
Красавица пропала — вот беда.
В гнезде у птиц — пустая шелуха,
Посмешище для всех, никчемная труха.

Человек-бабочка!

Вникни в эти слова:

Если обновками лишь занята голова,
Если без дела руки томятся всегда,
Если не ноют плечи от груза труда,
Если в покое неделя твоя протекла,
Если не тратишь силы свои, как пчела, —
Значит, не станет сытым становье твое,
И оскудеет скоро житье-бытье,
И прохудится, застонет ветром аил,
И понапрасну ты, видно, на свете жил.
Тот, кто работал и жил спустя рукава,
Высохнув, сморщится. Помни эти слова!

1893 г.

ВОРОНА

Ворона села на сосну в лесу
И посмотрела круглыми глазами.
Увидела: орел поймал лису!
Ворона каркнула, захлопала крылами:
«Ах, если б я лисицу углядела, —
Ведь бегала плутовка на виду, —
Всласть кровь бы я пила, кусками мясо ела...
Но не беда, другую я найду,
Тогда напьюсь, наемся смело».
Ворона поднялась и, каркнув, полетела.
И вскоре, надо же такому получиться,
Ворона видит: на снегу — лисица!
В загревок ей впилась Ворона вмиг,
И ну ее когтить, поднявши страшный крик,
Но рыжая из-под нее рванулась смело,
И, лапу потеряв, Ворона охромела.
Лиса ушла себе, а бедная Ворона
Барахталась в снегу и издавала стоны.

Ворона думала с орлом сравниться,
Да суждено ей было осрамиться.

Немало среди нас таких же вот Ворон.
Иной взомнит себя богатырем-героем,
Кичится замыслом, гордится целью он —
И ладно, если обойдется болтовнею.
Но если ввяжется в лихое дело он,
Пожертвует не лапой — головою!

1893 г.

Павел Александрович
ЧАГАТ-СТРОЕВ
(1887—1938)

МУДРЫЙ БОГАТЫРЬ

I

Вселенной мудрый богатырь,
Чтоб обозреть родную ширь,
На высочайшую из гор
Поднялся, и земли простор
Глазами быстрыми объял
И зорко вглядываться стал.
Тайгу насквозь он увидал,
Насквозь он горы увидал.
Прекраснейшая Мать-земля.
Как на ладони у него,
Чудеснейшая Мать-земля
Как будто в сердце у него.

Увидел он с вершины той
Народ земли своей родной.
О, из напастей всех напасть,
Чья там прожорливая пасть?
Семидесятиглавый Змей
Его землей владеет всей,
Неся страдание и страх,
В горячих плавает слезах,
В крови купается людей
То чудище, ужасный Змей!

II

Пирует Змей, а край родной
Печалью полон и тоской.

А люди чашу горя пьют
И в страшной кабале живут.
Когтищи Змей свои сожмет —
Вздыхнуть народу не дает,
Без разрешения его
Нельзя им делать ничего.
И многочисленный народ
В безмерной нищете живет.
Он обречен, беднейший, весь
Из песьей плошки пить и есть.
И сквозь ушко иголки он
Смотреть на солнце обречен.
Что на полях его взойдет,
Все злое чудище пожрет.
А коль кусочки упадут,
Их змеи-баи подберут.
Им пахарь должен все отдать,
А сам голодный умирать,
И этот непосильный гнет
Его к земле все ниже гнет.

Рабочий украшает трон,
А сам работой изнурен.
Он день в трудах
И ночь не спит,
Но никогда он не был сыт.
В лохмотья жалкие одет,
Не для него и солнца свет.
Ему назначила судьба
Лишь долю горькую раба.
Всю кровь высасывает змей,
Сдирает мясо до костей,
И в золотом дворце своем
Богатства копит день за днем.

Народа храбрые сыны,
Алып* мужества полны,
Со змеями вступают в бой
Не сговорившись меж собой.
Коль каждый в одиночку встал,
Их Змей-чудовище пожрал.
Алып могучий Йер-Кезер,
Земли опора Йер-Кезер,
Чья шапка сшита из дернин,
Чей посох — в семьдесят аршин,
Со Змеем бьется много лет —
Конца тому сраженью нет.
Едва одну змею убьет,
Взамен другая наползет.
Лишь стоит голове упасть,
Как новая раскроет пасть.
Никак не может он понять,
Что надо все их разом снять,
Тогда победа лишь придет
И Змей проклятый упадет.

Не знает храбрый Йер-Кезер,
Что брат его Темир-Кезер
В борьбе провел года, не дни,
Что помыслы у них одни.

Темир-Кезер поднять готов
На змей несчетно раз подряд
Железный молот в сто пудов,
Длиной — саженой шестьдесят.
Но сила не поможет тут,
Коль врозь алыпы бой ведут.

* Алып — витязь.

Семидесятиглавый Змей
Поодиночке их разит,
А всех помощников-людей
В застенках каменных гноит.
И черной ночью мир объят,
Во тьме не видит брата брат.

Все это Мудрый разглядел
И страшным гневом закипел,
Так громогласно закричал —
В горах обрушился обвал,

Пронзительно он засвистел,
И лист с деревьев облетел.
Качнулась древняя земля
От посвиста богатыря.
И Змей от страху сразу сник,
Услышав богатырский крик:
«Семидесятиглавый тать,
Людей привыкший убивать,
Пасть разорву твою, — сказал, —
Умеющему только жрать,
Народ несчастный угнетать,
Я ослеплю тебе глаза».
Огниво выхватил, и вот
Он искру высекает вдруг, —
Рванулось пламя в небосвод
И осветило все вокруг.

Друг друга братья обрели,
Что врозь сражение вели.
Года в сражениях прошли,
Объединится не могли,
Пролили столько пота зря
Два брата, два богатыря.

Все это поняли сейчас,
Прозрели оба брата враз.
Знакомиться они идут,
Друг друга за руки берут.
Все это Мудрый увидал,
С горы, где был, спускаться стал,
Беседу с братьями ведет,
Им руку дружбы подает,
Все объясняет братьям сам:
«Единый путь назначен вам.
В страданиях оба вы росли,
Сквозь унижения прошли.
Не зная друг о друге, врозь
Сражаться попусту пришлось.
Теперь найдете верный путь,
С него сумеете не свернуть.
К плечу плечо, к руке рука —
Мы победим наверняка.
А если с нами весь народ, —
Раздавим мы змеиный род.
Коль встретим вместе грозный час,
Никто не одолеет нас.
Нет в мире крепости такой,
Которую не разнесем!
Нет в мире нечисти такой,
Которую не перебьем.
Ведь кроме нас самих, друзья,
Никто от мук нас не спасет,
Идите же во все края
И поднимайте свой народ.
Пора отряды собирать,
Пора нам бой последний дать.
Всех тех, кто пашет Землю-мать
Алып возглавит Йер-Кезер.
Железную возглавит рать
Второй алып — Темир-Кезер.

«Исполните мои слова», —
Им Мудрый Богатырь велит.

Железо звякнуло сперва,
И вот, как будто гром гремит:
Темир-Кезер ведет войска,
Навстречу брату он спешит.
До неба встала пыль земли,
На землю пыль небес легла, —
Идут стеной богатыри,
На землю опустилась мгла.
Железный молот в их руках,
Что на врага наводит страх.

Так говорит Темир-Кезер:
«О Мудрый, ты для нас пример.
Тобой изведан весь наш мир,
Веди нас Мудрый Богатырь.
Пока железный молот мой
Не изотрется в битве той,
И до последнего бойца,
Что дал мне в помощь мой народ,
Я буду биться до конца,
Чтоб извести змеиный род.
Им, алчным, пьющим пот людской,
Все наши муки нипочем.
Дадим же им последний бой,
Распорем брюхо, пасть порвем».

Упавшие деревья вдруг
Переломились пополам.
Стоявшие деревья вдруг
Сломались тоже тут и там.
И камни рушатся со скал,
Поток рванулся на простор,

По морю ходит грозный вал,
В тумане скрылись пики гор —
Алып могучий Йер-Кезер,
Земли опора — Йер-Кезер,
Чья шапка сшита из дернин,
Чей посох в семьдесят аршин,
Чтобы от брата не отстать
Ведет бессчетные войска,
Чтоб в битве рядом с братом встать
И победить наверняка.

Пред Мудрым Йер-Кезер предстал
И так он Мудрому сказал:
«Тобой изведен весь наш мир,
Веди нас Мудрый Богатырь».
Еще сказал такую речь:
«Покуда голову мою
В бою лихом не снимут с плеч,
Я за народ свой постою.
Пока дыханье не прервут
И кровь не выльется моя,
До той поры с тобою тут
Сражаться рядом буду я.
Кто землю пашет, тот на ней
Хозяином и должен быть.
Прожорливый и страшный Змей
Здесь должен кости положить.
Войска мои, что вслед идут,
Дыханье змеям пресекут».

Им Мудрый вымолвил в ответ:
«Привыкший разорять весь свет,
Семидесятиглавый Змей
Извел немало из мужей.
Пусть поколения пройдут,
Он свой конец отыщет тут.

Сто лет бороться будем с ним,
Но свой народ освободим.
Сражаясь стойко день за днем,
Его потомство мы прервем.
Пусть грянет самый жаркий бой,
Мы на врага пойдем стеной».

.
Шагает к войску Йер-Кезер,
На плечи посох положив.
Идет к войскам Темир-Кезер,
Свой молот на плечо взвалив.
Был так их шаг тяжел-могуч,
Что камни покатались с круч.

.
Кольчугу крепкую надев,
Доспех надев свой боевой,
Великий Мудрый, словно лев,
Неудержимо рвется в бой.

А семидесятиглавый Враг
Собрал змеиный свой совет.
Шипел он на совете так:
«С тех пор, как существует свет,
Впервой рожден такой наглец,
Тастаракай* его отец,
Его одежда из мешков —
Вот Мудрый Богатырь каков.
Он в мире всем известен стал,
По странам слава разошлась,
Он хочет, чтобы раб восстал
На власть кагана — божью власть.
Он мысли черные открыл,
Со мной сразиться он решил,

*Т а с т а р а к а й — комический сказочный персонаж,
зд. болтун, безалаберный человек.

Кровавый бой со мной вести,
Мой род чудовищ извести,
Чьи предки линию вели
От сотворения Земли.
Собрал железные войска
Темир-Кезер. Его рука
Сжимает молот в сто пудов,
Готовый рухнуть на врагов.
Там, где глупец Темир-Кезер,
Другой глупейший — Йер-Кезер,
Чья шапка сшита из дернин,
Чей посох в семьдесят аршин,
Кичится войском и собой,
Вслед за Всесильным рвется в бой.
А горделивый Мудрый — тот
Не знает страха, говорят.
Его всегда удача ждет,
Непобедим он, говорят.
Но сила выйдет у него,
И слава кончится его.
Не похваляется пускай —
Войной его захватим край,
Кишащим войском поползем,
Кричащим воинством пойдем.
Увидят все — он краснобай,
Свой отстоять не сможет край,
Не сможет он от нас уйти,
Не сможет жизнь свою спасти.
Вперед чудовища пойдут
За Змея, своего царя,
И на аркане приведут
К моим ногам Богатыря.
На свете он — живой шулмус*,
Живым его притащат путь.

* Шу л м у с — зд. злой дух.

Язык батыра, ядовит,
Я вырву — пусть он замолчит!
Богатыря я ослеплю,
Глаза его я проколю!
Хочу, чтобы врагу не жить,
Я голову его срубить!
Глупца Темир-Кезера взять,
Навеки в цепи заковать,
Войска его поразогнать,
Им тяжкую работу дать.
А Йер-Кезера самого
С бесчисленным воинством его
Плетьми с поля боя гнать,
Чтоб землю шли они пахать.
Мы наглецов разгоним рать,
Навек забудут бунтовать.
А гордецу Богатырю
Я голову срубить велю
И положить ее к ногам,
А ноги лютого врага
Поотрубить и положить
Где голова должна бы быть,
Чтоб никогда он не воскрес,
В дела кагановы не лез,
Не баламутил бы народ,
Не изводил змеиный род».
Такие Змей слова сказал,
Так змеям-слугам приказал.
И, выслушав его приказ,
Все змеи зашипели враз,
Ордой кишасцей поползли
По телу Матери-земли.
Переплетаются, шипят,
Ужалить Мудрого хотят.
А стойкий Мудрый Богатырь
Свои войска на змей ведет,

Всесильный Мудрый Богатырь
Отважно движется вперед.
Два войска встретились, и вот
Час грозной битвы настает.

Со стороны одной гремит
Тяжелый молот в сто пудов.
Темир-Кезер врагов разит
И не считает их голов.
Туда пройдет, сюда пройдет —
И сотню тысяч перебьет.

А посох в семьдесят аршин
Со стороны блестит другой,
То Йер-Кезер — народа сын,
Со змеями вступает в бой.
Он словно мясо их сечет
И словно сухожилья рвет.

Всесильный Мудрый — во главе,
По мелким змеям он идет
Как будто по простой траве,
Он самых сильных змеев бьет.
Он выбирает только тех,
Которые сильнее всех.
Свою мечту осуществить
Желанья полон в битве он:
Злодея главного убить
И сокрушить проклятый трон.

Вот все преграды раскидал,
Лицом к лицу со Змеем встал.
Мечами бьются, но никто
Из них не может победить.
На пиках бьются, но никто
Не смог другому повредить.

Тут в рукопашную сошлись,
Руками сильными сплелись.
Три года бьются, но опять
Никто не может верха взять.
Пять лет уже проходит, но
Закончить битву не дано.

И с каждым годом все растет
Мощь-сила у Богатыря.
Но с каждым годом устает
Все больше страшная Змея.

.
Великий богатырь готов
На землю гадину швырнуть.
Спасая семьдесят голов,
Противник рад бы ускользнуть —
Уже не верит злобный тать,
Что может верх он одержать.
Тут Богатырь, что было сил,
Врага проклятого схватил,
Над головой его поднял,
Ему синь неба показал
И так швырнул, что страшный Змей
На россыпь грохнулся камней.
Земля качнулась в тот же миг —
Так Змей проклятый был велик.
И камни черные
Его на части тело рассекли,
Так кровь хлестала из него,
Что реки черные текли.
Тут Мудрый Богатырь идет,
Меч богатырский достает,
Срубает семьдесят голов,
Бросает их в глубокий ров.
Он брюхо Змею разрубил

И всех людей освободил
(А было их — не перечесть,
Людей, которых Змей глотал),
А тело сжег и пепел весь
С обрыва в пропасть побросал,
И не осталось ничего
От Змея страшного того.

Весь род Змеиный извели.
И вот шестая часть Земли,
Страна, что в горестях жила,
Навек свободу обрела.
На общий праздник все идут
И песни звонкие поют
Про Мудрого Богатыря,
Чье имя миру как заря,
Как самый радостный рассвет.

Во всей вселенной места нет,
Куда бы слава не дошла
Про мудрые его дела.
Спокойно под его рукой
Живет народ страны родной.
Нет господина, нет раба,
У всех — счастливая судьба.
Народы все в его краю
Слились в единую семью.
Он не идет к другим войной,
За свой народ стоит стеной.
Он людям радость подарил,
Дорогу к счастью он открыл.
И на Земле огромной всей
Он — знамя трудовых людей.

1925 г.

КАРА-КОРУМ

Кара-Корум...
Истоки зла
Несчастный знает ли народ?
За что рекою кровь текла —
Безгласный знает ли народ?

Кара-Корум...
Кара-Корум...
Быль воскрешая день за днем,
Пойдем с истока горьких дум,
С начала тяжкого начнем.

Высокий солнечный Алтай
Затмили злые времена,
В благословенный лунный край
Пришла жестокая война.

И год еще не пролетел —
Долин привольных не узнать,
И оглянуться не успел
Бедняк, а он в ярме опять.

И учредил уезд Колчак,
«Кара-Корум» его назвал,
Опять порабощен бедняк,
Опять богач возликовал.

Знать родовая собралась,
Как псы голодные к куску,

«Чтобы народ отдать под власть
Злодею-хану Колчаку.

Царя из мертвых воскресить,
Зажечь погасшие огни,
Простому люду отомстить,
Сойдясь, надумали они.

Угрозой стали для людей,
Источником великих бед,
Любой богач — в душе злодей,
Таящий злобу людоед.

Поняв, что в Горной Думе им
Бояться нечего теперь,
С коварным замыслом своим
Войти решили в эту дверь.

«Однако, братья-богачи
Отменно верховодят тут,
Друзья-торговцы, ловкачи,
Здесь громко голос подают...»

Попы в одеждах золотых
И прочий очень важный люд...
Все в Думе радовало их,
Они нашли собратьев тут.

И был их замысел таков —
Управу местную создать,
Мягкосердечных бедняков
И обмануть, и уломать.

И был их замысел таков —
Корумский поддержать уезд,
Навеки власть большевиков
Повымести из этих мест.

«Куда пойдет простой народ,
Когда сидим на шее — мы?
Туда пойдет простой народ,
Куда ему укажем мы!

Аилам в редкость — грамотей,
Бедняк наивен, как дитя;
Словами наплетем сетей,
Народ опутаем шутя.

Возьмем людишек в оборот —
Любой молиться будет нам,
Прижмем покрепче, и народ
Последнее притащит сам.

Властителями станем тут,
Присвоим горную страну,
К нам деньги сами поплывут,
И заведем свою казну.

Певцов накормим, и певцы
Нас будут сами воспевать,
Глупцов накормим, и глупцы
Нас будут сами охранять».

Никто от биев* в эти дни
Народ не смог предостеречь,
И в горы поднялись они,
И повели такую речь:

«О братья, солнечный Алтай!
Мечта народная сбылась,
Родной очистился Алтай,
Алтайская настала власть!

* Б и й — князь, господин.

Прогоним русских с этих мест
И сделаем Алтай родной —
Кара-Корумский наш уезд —
Самостоятельной страной!

И, от России отделясь,
Без унижений и забот,
Избрав свою родную власть,
Алтайский будет жить народ.

Построим фабрику-завод,
Закон хороший издадим,
Накормим досыта народ,
В обиду бедных не дадим.

Но чтобы новая страна
И власть сумели устоять,
Казна для армии нужна, —
И каждый должен денег дать!»

Пришлась по нраву эта лесть
Другим алтайским богачам:
«Для нашей власти — все, что есть,
Все до последнего отдам!»

И знаменитый богатея
Дает шесть тысяч — я богат!
А именитый богатея
Легко бросает шестьдесят.

И живших впроголодь людей
Ввели посулами в обман,
А сами, те, кто половчей,
Набили собственный карман.

С народом льстиво говоря,
Юлили слуги Колчака,

К былым прислужникам царя
Стекались деньги, как река.

К алтайским биям льнут они:
«Мы ваши верные друзья!
Вы здесь властители одни —
Алтая славные князья!..»

Создать страну «Кара-Корум»,
Свое правительство избрать
За толстосумом — толстосум
Слетелись в Улалу опять.

Всех, кто богат и родовит,
Созвали в Улалу на сход,
И тех решили не забыть,
Кто речи умные ведет.

Попы — духовные отцы
Для пользы дела будут тут,
Купцы — лихие молодцы
Места почетные займут.

Но звать не надо бедняков,
Какой от них собранью прок?
И бешеных большевиков
Пускать не надо на порог...

С почетом те приглашены,
Под чьей стопой стонал Алтай —
Гонцами оповещены
Кыйтык, Мандьи и Аргымай.

С бумагами за сто дорог
Гонцы летели со всех ног,
Чтобы на сход успели в срок
Ангак, Борисов и Тобок...

Так на Кара-Корумский сход
Богач идет
И поп идет,
И беглый царский люд ползет —
Всех степеней чиновный сброд.

И лишь алтайца-бедняка
Никто не встретил у ворот,
Сказать о том, как жизнь горька,
Раскрыть ему не дали рот.

Среди собравшихся людей
Отменные говоруны —
За богатеем богатыей
Вещают о делах страны.

Клянутся с легкостью во всем,
Их речи — мутная вода,
Слова плетут они о том,
Чего не знали никогда.

Слетелись с четырех сторон
Попы, сидевшие в тени,
Как стая галок и ворон,
Галдят без отдыха они.

И вот оратор-богатыей
Замысловато речь ведет...
Еще преддверие страстей —
Внимает молча думский сход:

«Устал народ Алтая ждать,
Мечта народная сбылась!
Какой из партий передать
Теперь в стране свободной власть?»

Эсер кричит:
«Мы — за народ!
И только мы наверняка
Сумеем отыскать подход
К душе алтайца-бедняка!»

Кадет сменил его:
«Друзья!
Мой принцип нынешний таков:
Любую власть признаю я,
Но только не большевиков!»

Вскочил тщедушный меньшевик:
«Народ Алтая — прост, как скот,
Я знаю истину из книг,
Я буду править без забот!»

Тут есаул — сутул, угрюм,
Сказал:
«Командовать хочу!
Я защищу Кара-Корум,
Отменно войско обучу!»

Встал большевик:
«Хочу сказать,
Слова эсера — болтовня,
Власть на обмане не создать,
Она не выстоит и дня.
Теперь Алтаю власть нужна
Не та, что прѳчите, не та!
Достойна властвовать одна
Трудящаяся беднота.
А, значит, надо гнать взашей
И болтунов,
И богачей,

Всех, кто чужим трудом живет,
Кто пот и кровь людскую пьет!
Прогоним —
Кончится беда,
Покончим с тягостной судьбой,
И станет армия тогда
Защитой власти трудовой.
Большевикам преграды нет:
Для всех откроем знаний свет.
Разноязыкий наш народ
Семьею братской заживет.
И вы не замышляйте тут
И пот и кровь людскую пить!
В стране, где правит вольный труд,
Ни одному из вас не жить!»

Взвились от гнева богачи,
Неправых
Слово правды злит,
Весь сход
Разгневанно вскочил,
Весь сброд
Со злобою кричит:

«Да съешь ты голову отца!
Что нужно?
Все здесь — не твое!
Свое наследство ищешь тут —
Обноски матери, тряпье?
Средь уважаемых людей
Ты сеешь злобу и вражду,
Поганой дерзостью речей
Себе накликаешь беду.
Не чтишь ни чести, ни седин,
Ведешь себя,
Как мерзкий скот...

Решаем судьбы — ты один
Решил сорвать народный сход!
Иди туда, где дикий крик
Считают умным!
Прочь, наглец!..»

Но вновь поднялся большевик:
Со словом правды,
Как боец:
«Почтенные! Скажу я вам:
Народ обманом не унять,
Не быть у власти богачам,
Кара-Коруму — не бывать!
Вас отряхнет с себя народ!..
Мои слова не тешат слух,
Но лишь глупец их не поймет
И не услышит тот, кто глух!
Я покидаю лживый сход,
Но власть свободы и труда
И день расплаты —
Все придет,
Не забывайте, господа!»

Ушел он...
Вслед большевику —
Вздых облегчения, слова:
«К ногам уронит он башку...
Покинет плечи голова...»

И снова встали, как сурки,
И друг за дружкой подряд
Эсеры и меньшевики
Попеременке говорят:

«Законы новые издать —
Тут без эсеров нам нельзя;

Необходимо их избрать,
Включить в правительство, друзья.
Простые люди верят им,
Слова их тронут хоть кого,
И потому не отдадим
Их от порога своего...»

«Для славы будущей страны
Потребно единенье сил;
Кадеты тоже нам нужны,
Не стоит осуждать их пыл!»

«А как же без меньшевика,
Который помнит столько книг!
В правительстве наверняка
Полезен будет меньшевик».

«Друзья! Поможет нам казак —
Бывалый славный есаул,
Чтоб никогда коварный враг
Кара-Корум не пошатнул...»

И что ни речь, то горячей,
Хитрей и льстивее лилась...
Так сход алтайских богачей
Избрал себе по нраву власть.

Не отказали никому,
За исключением бедняков,
От партий всех —
По одному,
От всех,
Но без большевиков.

Осталась бедность —
Бедняку,

А поделившие Алтай
Опять урвали по куску —
Кыйтык, Мандьи и Аргымай.

Они властители, князья,
И рождены пасти людей,
А бедняку владеть нельзя
И жизнью собственной своей!

Тем, кто решился речь вести,
Крутая отповедь дана:
«Как ты посмел произнести
Людей почтенных имена!
Пред именитым богачом
Как ты осмелился пройти!
Тебе, рожденному рабом,
Судьба —
Хозяйский скот пасти!

Так предназначил Курбустан*:
Тебе — трудиться дотемна,
А славный бий,
Почтенный хан
Прочтут-напишут письма.
У них — особая судьба:
Им предназначено — владеть.
А уважение...
Раба
Всегда уважит наша плеть —
Сдерем всю шкуру со спины!
Терпи, работай и молчи!..»

Так властелинами страны
Уселись кучей богачи...

* Курбустан — верховное божество у язычников-огне-
поклонников.

Эсер, кадет и меньшевик
В Управе загибают жар,
А комиссаром стал Кыйтык,
Мандьи стал тоже комиссар,
И Аргымай...
Так собралась
Кара-Корума злая власть...

И править начали они,
Разъехались по волостям,
И стали в первые же дни
Просить о помощи властям.

Потоком лживых, льстивых фраз
Морочили наивный люд,
И то, что выпросили, враз
Не смог перевезти верблюду.

Но этим первым грабежом
Не утолили алчный нрав
И наезжали день за днем,
И стыд и совесть потеряв.

Вели красивый разговор:
«А как ты родине помог?..»
Так за побором рос побор,
Так за налогом рос налог.

«Чтоб строить фабрику-завод —
Хоть по рублю внеси, народ!
В большой цене алтайский мед —
Ну кто же это не поймет!
А пчеловодов сбить в союз —
Для новой власти тяжкий груз.
Для блага родины своей
Пожертвуйте по шесть рублей!

Создать охотничий союз —
Опять для нас нелегкий груз.
Живем охотой! Не жалея
Для дела десяти рублей!
А вот Америка-страна
Нам даст и ситца и сукна.
Товары будут! Не жалея,
Займи Управе сто рублей!..»

Не пропустив ни одного —
Кто мог отдать и кто не мог,
Всех обобрав, после того
Еще придумали налог:
У богатеев нет забот —
Пасется их несметный скот.
А бедный гонит скот пасты —
Налог земельный заплати!
Но оказалось, что казна
Еще не доверху полна...
И снова грянула беда —
Ополовинили стада,
Ограбив жителей опять —
Управа стала торговать.

А там — и тот, и этот бай —
Смекнули: вот где польза нам!
Кыйтык, Мандьи и Аргымай,
Как волки, ринулись к стадам.

И скот-берут за горсть монет —
«Для новой власти... старый долг...»
Спасенья нет, спасенья нет,
И что ни день, то новый волк!

Поработили бедный люд
Угрозой, силою. Беда —

За именитыми бегут
Помельче хищники в стада.

И, перепродавая скот,
Крича про новую страну,
И тот, и этот живоглот
Усердно набивал мошну.

Такая воцарилась власть —
Торгаш, злодей и лиходей,
На грабеже обогатясь,
С презреньем смотрят на людей.

По нраву им Кара-Корум —
Достаток, деньги, барыши.
По праву свой Кара-Корум
Крепить решили торгошаи.

Сбивают, применяя власть,
Из бедняков большой отряд...
Защитниками притворясь,
Скрывая правду, говорят:

«Солдаты красные близки,
Не отдадим своей страны!
Записывайтесь в казаки,
Алтая славные сыны!
Мы дружным воинством своим
И с Колчаком соединясь,
Родные горы отстоим
И защитим родную власть!
Под стяги хана Колчака,
Кара-Корум, стеной вставай!
Не пустим красные войска
На лунно-солнечный Алтай!

Мы будем красные войска
За перевалами стеречь!
Кто не убьет большевика,
Тому башку рубите с плеч!»

Но те, в ком разум не угас,
Таких не слушают речей.
«На злое дело гонят нас.
Обман — призывы богачей.
Слов, возглашаемых сейчас,
Когда послушаемся здесь —
То наших правнуков за нас
Настигнет праведная месть!
Не будем помышлять о зле,
Чтоб не навлечь беды опять.
И так нас мало на земле,
А горю — края не видать...»

Но в громких криках богачей
О благоденствии страны
Слова обдуманых речей
Народу были не слышны...

Забыли баи обо всем,
За них — безумье говорит,
Зовут в поход на бой с врагом,
За них — бахвальство говорит.

И у самих от слов своих
Уже захватывает дух,
И собственный пугает их
Придуманный, но страшный слух.

И пышно говорит глупец,
И рьяно говорит дурак...

В дружине — пьяный молодец.
И в казаках — любитель драк...

Их горсть — не более того,
А за плечами — горы зла.
Щепотка — только и всего,
Но кровь за ними потекла.

Злодей, глупец, головорез,
Ему плевать — где смысл, где ложь!
Повсюду властвует обрез
И жаркий от убийства нож.

Головорез, злодей, глупец
Открыто грабит свой народ,
Плевать хотел он, что конец
Разбою подлому придет.

Глупец, головорез, злодей, —
Ему, хмельному, невдомек,
Что мчится к гибели своей,
Что час расплаты недалек.

Не видя будущие дни,
Дружинники и казаки —
Отмщенье сеяли они,
И всходы страшные близки...

Колчак жесток с народом был,
Рука «верховного» — крута,
В Кара-Коруме утвердил
Закон кровавого кнута.

Не разбирают — стар иль млад,
Хватают женщин и детей.

И избивают всех подряд,
И густо кровь течет с плетей.

Всех острословов — за язык
Ременной плетью проучи!
Кто правду говорить привык —
За правду розог получи!
Народ сбиваешь? Большевик!
Хлебай тюремные харчи!
За стон ответишь и за крик,
Сдирают кожу, — ты молчи!
Исхлещем с головы до ног,
Не видел чтоб, не думал чтоб,
А скажешь слово поперек —
К сосне веревкой, пулю в лоб!
Кара-Коруму — друг Колчак!
Не знали вы? Узнали вы!
Враг Колчака — Алтая враг,
И — плетью шкуру с головы!..

И опустел привольный край,
Настали злые времена,
На лунно-солнечный Алтай
Упала страшная война.

Узнали богачи:
Вот-вот
С земель Сойонских подойдет,
С собою войско приведет
Сатунин — «богатырь-ойрот».

Попы, зайсаны и купцы
Собрались торопливо тут,
Говоруны и наглецы
Толпой в Теньге «ойрота» ждут.

Кто бай, зайсан иль так богат —
Похвастаться повсюду рад:
И на шесть верст вдоль устья в ряд
Их юрты белые стоят.

Тот режет лошадь,
Тот — быка,
И над Теньгою дым густой,
Рекою льется арака,
Жратва навалена горой.

Оседланные скакуны
«Богатыря-ойрота» ждут,
Бессовестные болтуны
Из лжи и лести речь плетут:

«Он от бурханов род ведет,
Непобедим, бессмертен он,
Хранимый силою высот, —
От красных пуль заговорен!»
«Сатунин-богатырь — велик!» —
Свершают дедовский обряд.
«Ойрот великий — вечнолик!» —
Благословляя, говорят.
«Пути его на сто веков
Пусть небеса благословят!
Спаситель от большевиков
Преодолеет сто преград!
Отважный, славный воин он —
Встал защитить Алтай родной!
Каких наград достоин он —
Простерший крылья над страной!?»

Труда и бедноты враги
Свершают дедовский обряд,

Бахвалясь, жителям Теньги
Чванливо баи говорят:

«Прибудет богатырь-ойрот
И восстановит нашу власть,
Возьмет он красных в оборот,
Чтоб кровь их красная лилась.
И вместо русского царя,
Который правил нами встарь,
Поставим мы государя —
Теперь ойротский будет царь!
Ойротский царь и наша власть!
И расцветет Алтай родной,
От русских пут освободясь,
Мы будем жить своей страной!»

Так будоражили Алтай,
Так ждали «славного», и вот —
Влетел с отрядом в Онгудай
«Великий богатырь-ойрот».

Он прибыл, вот он — «вечнолик!»..
Его разгульным казакам
Всех богачи назвали вмиг,
Кто помогал большевикам.

Свирепый «богатырь-ойрот» —
Он многих исполосовал,
Он истязал простой народ,
Он зло выплевывал слова:

«Я красный сброд в дугу согну!»
И богачи кричат: «Пора!»
«Я красным головы сверну!»
И богачи кричат: «Ура!»

Доволен бай,
Ликует бай
И надувается квашней,
И бедняка пугает: «Знай,
Большевики идут войной.
Но будет уничтожен враг,
Их — не щадящий никого
Великий воин, хан Колчак, —
Всех изведет до одного!
Пойдешь за красным — быть беде,
Не верь тому, что он соврет,
Всем, кто поверит ерунде,
Сатунин голову снесет!»

Снуют они туда-сюда,
В богатых седлах развалясь,
«Не одолеть нас никогда!» —
Болтают бай, веселясь.

Войну затеяли они
И задирались, как сурки,
Того не ведали они,
Что их погаснут очаги.

* * *

Враз красной бурей сметены
Отряды белые.
Позор!
Со всех сторон окружены —
Ползут в ущелья Чуйских гор.

Раскормленные богачи —
Кара-Корумские вожди,
И офицеры-лихачи
Не видят света впереди.

Но, наказания боясь,
В побег собираясь, не в поход,
Кара-Корума злая власть
Пугает карами народ:

«Погибель страшная близка,
И вам не отсидеться тут,
Вас большевистские войска
В крови потопят, изведут.
Вам здесь от смерти не спасти
Ни молодых, ни стариков,
Детей, кто старше десяти, —
От мстительных большевиков.
Бегите в горы из долин,
Не вздумайте остаться тут,
Пусть все мужчины, как один,
За белой армией идут!
Эдьен* поможет нам тогда,
Вернемся через две луны,
Порубим красных! Без следа
Прогоним из родной страны!
Монголия поможет нам,
Вернемся через краткий срок,
Отрубим красным крикунам
И бросим головы у ног!
Кто не уйдет, кто будет здесь,
Пушкой добра себе не ждет,
Пусть не надеется, что месть
Его стоянку обойдет.
Не тронет красный — не беда,
Вернемся мы — один конец —
Всех, кто останется, тогда
Мы перережем, как овец!..»

* Эдьен — зд. Китай.

Вокруг живущий честный люд
Они враньем вогнали в страх.
Аилы бросивши, бегут,
В лесах скрываются, в горах.

От байских гибельных угроз
Погас, затмился белый свет,
Народ пролил немало слез,
Отчаялся: спасенья нет!

В укромных прячется горах,
Бросая отчие места,
И в темных прячется лесах,
Бросая сытые стада.

И голод мучает людей —
Овец оставили, коров,
И холод мучает людей —
Добро оставили и кров.

На них свалил Кара-Корум:
Свои кровавые дела,
Так злая власть — Кара-Корум —
Живых немало погребла.

И потянулись беглецы
По бедной родине своей —
Сыны, и братья, и отцы...
И материнский плач слышней:

«Храните сына моего
На радость родичам седым,
Храните, небеса, его,
Пусть возвратится невредим.

Пусть выстоит в лихой беде,
Пусть выйдет из огня — живой,

Пусть не погибнет он нигде,
Пусть возвратится он домой!»

И горький, громкий плач сирот —
Что ни аил, то нет отца —
В долинах брошенных плывет,
Терзая мукою сердца.

А те, кого заставил страх
Бежать, оставив свой аил,
Тоскуют: «В неродных краях
Он, скажут, голову сложил!
К цветам отеческой земли
Кто возвратится и когда?
Пока скрываемся вдали —
Кто упадет здесь навсегда?
Кого — обнять родной простор —
Судьба пожалует из нас?..»

Перевалили десять гор,
А в думах все Алтай не гас.

И взгляд любой, и разговор —
Все о родном Алтае был,
Перевалили много гор,
А в мыслях все родной аил.

В душе — родная сторона,
В стенаниях — родной народ.
Вот гор угрюмая стена
Все выше за спиной встает.

Уже едва видны вдали
Вершины в шапках ледяных,
И табуны уж не слышны,
Что ржали, провожая их...

Как волки, беляки со зла
Хватают, режут все подряд:
Долины вольные дотла
Опустошенные лежат.

Гора высокая была —
Теперь истоптанна, низка;
Река глубокая была —
Теперь она мутна, мелка.

Где пасся на приволье скот —
Дурман разросся и цветет,
Где жил трудящийся народ —
Крапива дикая растет...

Как вспомнишь годы, что прошли,
И зло, что мир перемогло,
Как вспомнишь о судьбе земли —
Невыносимо тяжело...

* * *

Байским стронуты обманом,
И тоску, и страх почуяв,
Растянулись караваном,
Поднимаясь вверх по Чуе.

За Кара-Корумским баем
Вслед идут — душа избита —
До Башкауса, стеная,
Дотащились от Чибита.

Удалось последним самым.
Добрести до Онгудая.
Едет сзади всех Сатунин,
Все движенье замыкая.

У Мыйту, явив отвагу,
Он сказал забитым людям:
«Встанем здесь! Назад ни шагу!
Победителями будем!»

Так бахвалился «великий»,
Так друзья его кричали,
Но в ответ на эти крики
Сотни красные примчали.

«Богатырь Ойрот» со стражей
От Мыйту спешат, как воры,
«Все мы тут костями поляжем», —
Говорят, сбегая в горы.

Не зовет «Ойрот» к победам.
Чащи густы, тропы круты,
Партизаны — следом, следом,
Чаю выпить — нет минуты!

Натиск красной силы смелой
Разгромил и разогнал их,
И остатки своры белой
Жалко прячутся в увалах.

И не сдержат их посулы,
Не сплотят угрозы бая —
Вниз уходят по Урсулу,
Сна и отдыха не зная.

Онгудай — стоять не стали.
Яломан — промчались мимо.
Вверх по Чуе замелькали,
Как клочки сырого дыма.

И в окрестностях Чибита
Сбились все в долине кучей.

И людьми она набита,
Стоном и мольбою жгучей.

Мутен разум от погони,
Страх, усталость ими правит,
Слепота их горько стонет,
Слабость на колени ставит.

Говорят они «Ойроту»:
«Нас и так осталось мало,
Укажи пути народу,
Уведи за перевалы!»

Красные в теснинах этих
Нас окружают — не заметим,
Мы на Чуе, точно в сети,
Здесь свою погибель встретим!»

Жалко выглядит Сатунин,
Прежде выглядевший важным,
В замешательстве Сатунин,
Называемый «отважным».

Ум «всезнающий» короче
Огонька в холодном пепле,
И «всевидящие» очи
Сразу словно бы ослепли.

От беспомощности — люто
Под конец расшвирился он,
На слова простого люда
Отвечает он расстрелом.

«Уважения» за это
Заслужил «отважный воин»,
За кровавые ответы
Был «почтеньем» удостоен:

Не спасла его ни сила,
Ни бурханский голос зычный,
Для «бессмертного» хватило
Пули маленькой обычной.
Был казак в его отряде,
Видит — нет в «Ойроте» толку,
Не мудря, прикончил гада,
Обезумевшего волка.

Помчалась молва о смерти —
Только баи возгласили:
«Слухам вражеским не верьте!
Богатырь ойротский в силе!

Жив Сатунин! Знайте, люди:
Он пошел к Бурхану-богу,
Там он долго не пробудет,
Приведет с собой подмогу.

Он сожжет огнем небесным
Всех ослушников айлы,
Всем отступникам бесчестным
Не уйти от божьей силы.

Всех изменников изрубит,
Весь Алтай огнем обложит,
Всех предателей погубит,
Всех неверных уничтожит!

Слухам, что погиб Сатунин,
Слухам вражеским — не верьте!
Бейтесь храбро, как Сатунин, —
Будете, как он, бессмертны!»

Когда «Ойрот» закончил путь,
Верхушка байская опять,
Чтобы алтайцев обмануть,
В тревоге стала размышлять:

«Давайте ложью в оборот
Возьмем доверчивый народ.
Упустим время — и тогда
Погибнем все мы, господа!

Того, кто верует как встарь,
Оделим силою небес,
Кому по нраву белый царь,
Мы скажем — белый царь воскрес!

Покуда бунт не запылал —
Утихомирим этот сброд!»
И только новый день настал,
Верхушка собрала народ.

Бумага важная бела,
И важно возглашает бай:
«Депеша с неба нам пришла!»
И громко ложь читает бай:

«У белых войск — сообщено —
В руках Москва и Петроград,
С победой освобождено
Губерний ровно пятьдесят!

Прошли лихие времена,
Прошли кровавые года,
Навек окончена война,
Не возвратится никогда!

Вновь на престоле белый царь!
Разбиты красные войска!
И лучше в десять раз, чем встарь,
Настанет жизнь наверняка!

Победа, братья! По домам!
Хвалу Бурхану* вознесет,
И в церкви пусть своим богам
Теперь помолится народ!»

И к церкви маленькой в Чибит
Пришли, притворно говоря:
«Коль на престоле царь сидит —
Грех не молиться за царя».

А во дворе простой народ
Хвалу Бурхану воздает:
«Он спас от смерти, он помог,
Домой вернет нас Белый Бог!»

Когда закончили они
Бурхана славить и царя,
Их баи снова повели
За перевал, к Бёкен-Бюря**...

Тут стало ясно — нет пути,
Дороги нет домой назад.
Все прячутся, чтоб жизнь спасти,
Бегут, куда глаза глядят...

Вот так в тумане над тайгой
Пути теряли журавли,

* Бурхан — верховное божество «белой веры» (бурханизма).

** Бекен-Бюря — местность в Монголии, на юге Алтайских гор.

Так гуси, сбитые пургой,
Найти дорогу не могли!..

* * *

Как «ушел Ойрот к Бурхану» —
Объявился Кайгородов,
Он возглавил и направил
В Калку сборище народа.

Но разрозненные группы
Не смогли объединиться,
Каждый, вопреки приказу,
Норовит уйти и скрыться.

И бессилён Кайгородов:
Умоляет-просит — все же
Разнородного народа
Воедино сбить не может.

Вместо войска — банды, шайки,
Делом заняты единым —
Стали грабить по дорогам,
Стали грабить по долинам.

Те, кого за перевалы
Кайгородов все же вывел,
Как бродяги обносились,
Ходят-бродят чуть живые.

Сбиты конские копыта,
Провианта больше нету,
Точно нищие тащились
За подачку к Тёрбету*.

* Тёрбет — зд. Монголия (по имени одной из народностей).

Стало глупому понятно,
Что в надеждах обманулись,
И в конце концов обратно
На Алтай они вернулись.

Многие, отныне зная,
За кого бороться надо,
Возвратившись, на Алтае
Влились в красные отряды.

* * *

Банды с черными делами —
Наказание народу —
Расплодились на Алтае,
Нет нигде от них проходу.

В селах Канского аймака
Нет от Пьянкова покоя,
Средь Чемальского аймака
Семенек творит разбои.

Из Лебедского аймака
Отдают известья мраком —
Там свирепствуют бандиты
Словорецкий со Штанакон.

Братовья Карман с Товаром
Верховодят — грабят люто
С шумной бандою Тужлея
В селах Чуи и Аргута.

Возвратился Кайгородов,
Что, сбежав, Алтай оставил,
Сбил он белые отряды
Воедино и возглавил.

Он к себе приблизил баев
На востоке и на юге,
Кайгородов управляет
Всеми бандами в округе.

Снова кровь он проливает,
От него алтаец стонет,
Снова бойню затевает,
Основал свой штаб в Уймоне.

«Буду править во вселенной», —
Так сказал, и учредил он
Злую власть белогвардейцев
Где посулами, где силой.

Он издал приказ о том, что
Есть «правительство» в Уймоне.
Меньшевик, эсер, богач в нем,
Наторевшие в обмане.

И бандиты-атаманы
Снова лезут вон из кожи —
Тех, кто с красными спознался,
По засадам уничтожить.

В Белом Боме и Аргуте,
На крутом Чике-Тамане —
Всюду ставили засады
Красной силе партизаньей.

Партизан в крутых теснинах,
Точно волки, окружили...
Многие за власть Советов
Свои жизни положили.

И бахвалились бандиты:
«В Чуе красных мы разбили!

Красных партизан без счета
Мы в Аргуте истребили!..»

И над пленными бандиты
До расстрела измывались:
Точно волки рвали тело,
Истязали, издевались.

Словно тучи обложили
Небо вечного Алтая,
Горе принесли бандиты,
Кровь людскую проливая...

* * *

Решила Советская власть
Дать бой подлецам недобитым,
Отряды сплотила, взялась
Ударить по белобандитам.

Чтоб вольно алтаец вздохнул,
Закончив кровавую муку,
Нам русский народ протянул
Надежную братскую руку.

Чтоб землю от горя спасти,
Разора, разбоя, несчастий,
К Алтаю направив пути,
Шли красноармейские части.

Пришли на подмогу они
К ведущим бои партизанам,
И храбро сражались они
С разбойничьим вражеским станом.

Минаков, Долгих, Воронков,
Третьяк и другие герои,

Вожди партизанских полков,
Стратеги священного боя...

Гнездовья бандитские в прах
Они, отыскав, разорjali,
И тех, кто скрывался в горах,
Бесстрашно они настигали.

Скрываться от красных устав,
Теряли рассудок бандиты,
И вот, в окруженье застряв,
Уже на Аркыте* разбиты.

Предчувствуя — близятся дни
Ответа за все, что творили, —
В Уймоне собравшись, они
Уймон не сдавать порешили.

Предвидя расплату-беду,
За все их деяния — мщенье,
Укрылись они в Катанду,
Подумали — тут их спасенье.

...Получен отрядом Долгих
Приказ, боевая задача:
Настигнуть и вынудить их
Со штабом к немедленной сдаче.

Чтоб выйти неожиданными в тыл
Бандитского белого стана,
Отважный Долгих порешил
Пройти ледники Яломана.

С отрядом другим — Воронков
Поднялся в студеные дали,

* Аркыт — Аргут

И оба среди ледников
На снежной вершине застряли.

Утративши верных коней,
Мужи боевые согнулись,
У тех, кто душой послабей,
От страха сердца ворохнулись.

И стали в отрядах слышны
И ропот, и горькие речи,
О том, что довольно войны,
Что хватит друг друга калечить.

«Где вольный орел не летал —
Спасти мы коней не сумеем,
Где лось не ступал и марал —
От голода мы ослабеем.

А если дойдем-добредем
С вершин этих обледенелых,
То сразу же смерть и найдем,
При встрече с отрядами белых.

Дороги не будет назад
По этому снежному склону!
Куда командиры глядят?!
Не надо идти нам к Уймону!..»

Тут гневными стали глаза
Долгих. Поглядел он сурово,
Отряды собрал и сказал
Правдивое веское слово:

«Мои боевые друзья,
Товарищи, верные люди!
Да, эта сурова земля,
А путь наш и долог и труден.

Да, мы потеряли коней
И голод у нас верховодит,
Да, белые банды сильней,
Числом в десять раз превосходят.

Не ищем ли смерть мы свою?
Кому ж с ней дано разминуться!
Но лучше погибнуть в бою,
Чем сдаться, с позором вернуться!

На то и отправили нас,
Чтоб биться за счастье народов,
Мы выполним этот приказ
И будет разбит Кайгородов!

Пусть кровь нашу банды прольют,
Пускай мы погибнем, но знаю —
Рождается нами и тут
Свобода и правда Алтая!

За нами другие придут,
Сильнее, умнее, бесстрашней,
И в битву народ поведут
По нашей дороге вчерашней.

За нами, надеясь на нас...
И помнить всем сердцем нам надо —
И выполнить надо приказ,
Пройдя через эти преграды!

И каждый здесь красный солдат —
Пусть по-большевистски глядит он,
А кто загляделся назад —
Тот прихвостень белобандитов.

Тот партии Ленина враг,
Тот враг трудового народа,

Предатель, а ежели так,
То друг ему — сам Кайгородов!

И все это — правда моя.
Так двинем к Уймону скорее,
Бесстрашно сразимся, друзья,
В бою свое сердце согреем!»

Но молча стояли бойцы,
Как будто шеренга — немая,
Но тяжело вздыхали бойцы,
Голов своих не поднимая.

Увидел товарищ Долгих
Бойцов, утонувших в сомненьях,
Он гневно окликнул своих
Соратников в тяжких сраженьях:

«Ну что ж, боевая родня,
Вам слово мое непонятно...
Тогда расстреляйте меня,
А сами идите обратно!»

Забудьте о зле и нужде,
Забудьте походы и раны,
И не вспоминайте нигде,
Что красные вы партизаны!»

Он встал, как всегда, — впереди,
Он с лентой папаху поправил,
Одежду рванул на груди,
Под жаркие пули подставил.

«За то, что отряд — дезертир
Без боя вернулся обратно —
Идет под расстрел командир.
Стреляйте! Вам что — непонятно?»

Не подняли воины глаз.
«Стреляйте! И — вольному воля.
Вы что же, и этот приказ
Решили не выполнить, что ли?»

И вдруг над шеренгами — вихрь:
«За волю, за счастье народов
Веди нас, товарищ Долгих!
И будет разбит Кайгородов!»

* * *

Кайгородов спал спокойно,
Он надеялся на скалы,
Как на стены крепостные,
В Катанде располагаясь,
«Партизанам не пробиться» —
Потому спокойно спится.

Но — тревога среди ночи,
Кайгородов в двери! Пуля
Правое плечо прошила,
В дом вбежал он и в подполье
Схоронился, точно крыса!
От судьбы нигде не скрыться!

Сотни схвачено бандитов,
Мало тех, кому удача
Улыбнулась — убежали.
Кайгородову-злодею
Отсекли башку от шеи.

И теперь остатки белых
Растеклись в лесах Алтая,
За горами схоронились
И в Аргут опять забились.

* * *

Найти укорот беглецам,
В лесах одиночек стреножить
Что стоит отважным бойцам —
Им каждый в погоне поможет.

Густой партизанский заслон
Все тропы в горах перекроет,
Остатков бандитских разгон
Теперь разговора не стоит.

В жемчужном Алтае опять
Народ заживет благодатно,
И будет вовек прославлять
Он красноармейца-солдата.

В бесценном Алтае спасен
От смерти народ, от дурмана —
Он в книгу великих имен
Внесет навека партизана.

* * *

Родная Советская власть
Вступила в пределы Алтая,
И новая жизнь началась,
Зарей над тайгой расцветая.

Под знаменем большевиков
Мечты вековые свершились —
Власть ныне в руках бедняков,
И голоса баи лишились.

Недаром народ воевал,
Являя в сражениях доблесть,

Алтайский народ основал
Свою автономную область.

Чтоб вывести к свету народ,
От века голодный и голый,
Чтоб выучить горьких сирот —
Открылись в урочищах школы.

На курсах теперь молодежь
Освоить науки стремится,
А кто отличится, ну что ж —
В Москву уезжает учиться.

Закончил рабфак иль комвуз,
Стал большевиком убежденным, —
Тогда по плечам тебе груз,
Тогда тебе пост — по закону.

Чтоб день наш окреп и расцвел,
Встают с коммунистами рядом,
Умножив ряды, комсомол
И ленинцев юных отряды.

И женщина — трудно жила —
Свободу теперь получила,
Борцам против мрака и зла
Прибавилась новая сила.

И добрый народ трудовой,
Что в юртах убого ютился,
Оставил уклад кочевой,
Отстроился, объединился.

И живший в теснинах народ
Свободно спустился в долины,
Работает он и живет
Теперь коллективом единым.

Чтоб легче работать — в селе
Есть мощные чудо-машины,
А с ними на сердце светлей
И люди расправили спины.

Покончила с властью лгунов,
Крепка навека власть Советов,
И каждый трудиться готов
Во славу ее беззаветно.

Алтайцы, которым лишь тьму
И рабство всегда предрекали,
Разбив угнетенья тюрьму,
Увидели светлые дали —

Без бога, которого нет,
Но надобно было молиться.
Без черта, которого нет,
Но надобно было страшиться.

* * *

Десять лет Ойротии Советской!
Радость. Праздник. Год тридцать второй.
Все отметил переменой резкой
На Алтае наш народный строй.

Множатся колхозы на Алтае,
Урожаи нас не подвели,
Тучен скот, и на просторах края
Новые дороги пролегли.

Предрекали нам исчезновенье,
Но народ окреп, а не исчез,
И открыло свет ему — ученье,
Учит всех читать-писать ликбез.

Флаг победный, радостнее вейся
Над страной мирною гори!
Охраняют нас красноармейцы —
Крепкие сыны-богатыри.

В битвах и лишениях закаленный,
Расцветая, движется вперед,
Большевицким словом окрыленный,
Трудовой алтайский наш народ!

1927 г.

Мирон Васильевич
МУНДУС-ЭДОКОВ
(1879—1942)

ПЕСНЯ

Утро новое встает —
Пробудись, вставай, народ!
На рассвете золотом
Новый день встречай трудом!
 Расцветай Алтай, Алтай,
 Думой чистою взлетай!
 Песни утренней слова
 Крепко-накрепко впитай!

И соседка, и сосед
Добрый слушайте совет:
Разбудив детей своих,
Посылайте в школу их.
 Пусть для них из умных книг
 Чистый явится родник!
 Пусть их греет с детских лет
 Новых знаний ясный свет!

В книгах с каждого листа
Сходит к детям доброта.
И усвоит каждый сын
Почитание седин.
 Юный ум рассеет тьму,
 Мир откроется ему,
 Он узнает белый свет,
 Станет честным с детских лет.

Кто всему учился, тот
Людам пользу принесет.
Кто считал: ученье — зло,
Тому в жизни не везло.
 Слово лишь произнесет —
 Понял умного народ.

Скажет тыщу слов проstack —
Не понять его никак.

Расцветай, вставай, Алтай,
Думой чистою взлетай!
Песни утренней слова
Крепко-накрепко впитай!

Утро новое встает,
Пробудись, вставай, народ!
На рассвете золотом
Новый день встречай трудом!

1929 г.

ВЕСЕННИЕ РАДОСТИ

Под золотистой солнечностью дня,
Где горы и долины зеленеют,
Ковры цветов красуются, маня,
Весенний ветерок приятно веет.
Он шелестит листочками берез,
Он запах лета скорого принес.

Все рады солнцу, листьям и цветам:
Букашки, звери, пташки-попрыгушки.
Средь рощиц белоствольных,
Тут и там,
Не молкнет кукование кукушки.
Всю ночь до зорьки о любви своей
Поет, не умолкая, соловей.

Скворец подумал:
«До чего же лих!
А может быть и я так спеть сумею?..»
Попробовал несмело —
и затих.

Попробовал еще —
пошло вернее.
Тогда, собрав силенки, что имел,
На все лады, как соловей, запел.

У перепелки вывелись птенцы,
И перепела песнь звучит над лугом:

Мол, бас-барак*, шагайте, молодцы,
И помогайте, если что, друг другу.
А коростель, птенцов равняя шаг,
Скрипит: «Таак-таак, таак-таак...»

Сегодня торжества не занимать
И безголосым —

перьями сверкая,
От певчих не желая отставать,
Посвистывают, каркают, порхают.
Средь кочек заболоченной земли,
Курлыкая, танцуют журавли.

Таежным птицам радостно в глуши,
Никто порой весенней не скучает.
Весна пришла — спеши играть, спеши,
Пока мороз и снег не докучают!
Повсюду, где луга и где леса,
Звенят, не умолкая, голоса.

1929 г.

* Бас-барак — (бас — пошли, барак — пойдем) звукоподражание перепелке.

ЛОШАДЬ

Всадник едет по селу.
Он красив и конь красив.
Оба рады, по всему,
В скачках всех опередив.
Охраняющий табун,
Не боящийся волков,
Восхитителен скакун
От ноздрей и до подков.
С жеребеночком вдвоем.
Чудна кобылица-мать:
Образ матери с дитем
Не могу не вспоминать.
Жеребят, взгляни, игра
Схожа с играми детей.
О, счастливая пора
Дорогих весенних дней!
В долгом тягостном пути,
Где подъемы, дождь и лед,
Лошадь лучше не найти
Той, что в гору воз везет.
Если встретит конь меня
Ржаньем радостным своим —
Словно песню слышу я,
Смех любимой, кем любим.
На хорошего коня —
Как на друга я гляжу.
На прекрасного коня —
Как на милую жену.

1929 г.

ПЬЯНИЦА И ТРЕЗВЕННИК

Пьяница и трезвенник, два брата,
Близнецы,

обрадовав отца,
Родились в хороший день.

Тогда-то
Думали:

«Растут два молодца!»

Грудь одну сосали друг за другом.

Поровну ласкала братьев мать.

Падали —

бросалась к ним с испугом,
Каждого спешила поднимать.

Выросли —

наследство поделили.

Не в чем было братьев упрекать.

После ж дни иные наступили:

Стал один из братьев выпивать...

Пьяница

Чаще, чаще уходил из дома:

Не зверей искал в тайге ходок —

Он искал, где курится знакомо

Над аилом тоненький дымок.

Взвидит — знает: араку там гонят.

Радостен курящийся аил.

— Я пушнины не добыл нисколько.
Я хлеба стравил скотине сам,
Шкуры от нее остались только.
На базар свезу их и продам.

Деньги получу за шкуры эти.
Столько денег — сколько хочешь трать!
Хлеб на них куплю —

и наши дети

Никогда не будут голодать.

А жена с надеждой попросила:
— Мне посуда новая нужна...
— Все куплю, — ответил, — деньги — сила.
Жди меня с покупками, жена!

— Ситцу бы еще, — жена сказала. —
Детям нужен, да и мне самой.
Денег вот возьми, вдруг будет мало...
Взял. Кивнул:
— Все привезу домой.

Рысью в город въехал выпивоха.
Гордым взглядом глянул по рядам.
На базаре тьма людей.

«Неплохо. —

Он подумал, —
выгодно продам!»

Шкуры продал быстро и удачно.
Рубль на водку?.. Экая беда!
Выпил выпивоха,
крякнул смачно
И побрел гулять туда-сюда...

Белолицых молодых приметил.
Показалось:

эти лучше всех.

Слово к слову...

Раз красавиц встретил,

Надо и отпраздновать успех.

Водку и вино —

все брал без счета.

Шел туда, куда его вели.

Пьяному одна мила забота:

Я хвалюсь —

и ты меня хвали!

Выпивали.

В доме было шумно:

В песнях, плясках ночи коротки.

Думать ли о чем-то многодумно

Там, где молодухи, шутники?

Ласковы друзья.

Милы молодки.

Щедрость хвалят, молодецкий пыл.

Сколько их

вокруг вина и водки...

Что жена и дети —

все забыл!

Шесть ночей, шесть дней он веселился,

Радуюсь такой судьбе своей.

На седьмое утро пробудился —

Нет красавиц, денег и друзей.

Вспомнил о коне.

Домой поехал.

Горевал: то вздох звучал, то стон.

Стало выпивохе не до смеха —
Что жене и детям скажет он?

Вот уже аил и крики «Едет!»
Спрятаться бы, лечь в санях пластом.
— Здравствуй... — говорят ему соседи.
Взгляд отводит, приглашает в дом.

Сам проходит. Весь дрожит с похмелья.
Трубку раскурил, а слов-то нет.
Что придумать, чтобы за веселье
Не держать перед женой ответ?

Прохрипел:
— Случилась неудача.
Ночью обобрали на пути.
И добавил, вроде б чуть не плача:
— Били шибко... Как бы их найти?

Плюнули соседи:
— Врет к тому же,
Думает, поверим в то, что нес!
А жена набросилась на мужа:
— Негодяй, дрожишь как дохлый пес!

Гляньте вот,
Семья сидит без хлеба,
А ему и это — не беда.
На уме одно лишь —

выпить где бы...
От вина сгоришь ли ты когда?!

Дальше —
голодали больше дети.

Но о том ли пьянице страдать?

Продал он коня.

От медведя не помчитесь в страхе,
Выцелите белку без труда.

Чем разумнее, дружной решенья,
Чем старанья больше и ума,
Тем великолепно свершенья,
Жарче бани и теплей дома.

Для зерна —
надежнее амбары,
Погреба для разных овощей.
Не страшны метелей всех удары
Там, где дров хватает для печей.

Стройте стойла теплые,
ни часа
Попусту не тратьте никуда —
Больше станет молока и мяса,
Благом станет каждый день тогда.

Чище мойтесь.
Чистую одежду
Надевайте.
Помните о том,
Что ученье
радость и надежду
И любовь приводит в каждый дом.

Стройте школы светлые.
Примеру
Лодырей не следуйте вовек.
Ни к чему в богов и духов вера,
Главное на свете —
Человек.

Так он повторял, добра желая.
И когда шли выборы в Совет,
Люди говорили, выбирая:
— Лучшего, чем он, конечно, нет.

Председатель сельского Совета,
Он не отступал от слов своих,
И порой с рассвета до рассвета
Для людей работал за троих.

Помогая бедным, безлошадным,
Понимая горе батраков,
Был суровым он и беспощадным
К хитрым козням ловких кулаков.

Как учил великий Ленин, жил он.
И заботы были нележки.
Но, прощаясь с временем постылым,
Счастье обретали бедняки.

Школа появилась.

Хорошело
День за днем алтайское село,
В будущее вглядывалось смело,
Настоящим радостно цвело.

Кончились побои и обманы.
Новая торжествовала власть.
Отощали жирные шаманы,
Прежнего владычества лишась.

Знахари в округе приуныли,
Стала и для них судьба — не мед:
Времена доходов прежних сплыли,
К ним никто лечиться не идет.

Все не так:
Торгуют без обмана,
Равноправны женщины во всем...
Радовались люди неустанно:
«Наконец-то хорошо живем!»

Наконец-то дни, что были хмуры —
Отступили: веселись и строй!..
Засиял огнями Дом культуры —
Дом народной жизни молодой.

Всюду председателя хвалили.
Видя, как дела пошли на лад —
«Лучший наш товарищ, — говорили. —
Дорогой товарищ, друг и брат!..»

1929 г.

СОСТЯЗАНИЕ

Где поднялись, высоки,
Над Алтаем пики гор —
Там родились две реки.
Вот о них и разговор.

Рыбу ровно поделив,
Тьму встречали и рассвет.
Не криклив и не спесив
Длился говор их бесед.

Бий* спокойно тек и тек,
Не казался удалым.
Озеро, его исток,
Называлось Золотым.

А Кадын-река** текла,
Брызги сея средь камней.
Все сломать она могла,
Что в пути мешало ей.

Бий однажды пошутил:
— Выйди замуж за меня.
Или, может быть, не мил
Беспокойной бабе я?

И река, расствирепев,
На слова, что молвил он,
Вырвав тысячи дерев,
Выбросила их на склон.

*Бий (Бия) — князь, господин, повелитель.

**Кадын (Катунь) — государыня, владычица, знатная женщина, супруга.

— Бабой ты меня назвал?
Буду бабой до поры!
Побежим за перевал
До белеющей горы?

Первым сможешь ты прийти —
Обниму тогда, любя.
А отстанешь на пути —
Бабой стану звать тебя.

— Что же, — Бий ответил ей, —
Принимаю уговор...
Так, поспорив, кто быстрее,
Понеслись меж склонов гор.

Бия доброго любя,
Скалы ширили проход.
А Кадын не возлюбя,
Задержать старались ход.

Билась в бешенстве она,
Чтобы спор не проиграть.
Но скала ей ни одна
Не хотела помогать.

Встретив гору Бабырган*,
Прокричала дерзко ей:
— Что закуталась в туман,
Груда серая камней?

Как летяга-белка ты.
Вид твой — только хохотать.
Что там видишь с высоты —
Бий спешит меня догнать?

Отвечает Бабырган:
— Ты молчала б до поры.

* Бабырган — букв. летяга.

Бий-то, вижу сквозь туман,
У белеющей горы.

Поздравляю от души.
Не желаю утешать.
К муж, милому спешу,
Хватит горы сокрушать...

Боды нехотя вперед
Гонесла Кадын-река,
Видит: Бий свиданья ждет,
А над Биём — облака.

Горделивый вид храня,
Так сказала:
— Раз просил,
Можешь в жены брать меня
Ты, я вижу, победил.

Бий в объятия свои
Заклучил Кадын скорей,
Стал шептать ей о любви, —
Шепот был приятен ей.

И, его уже любя,
Тихо молвила она:
— Нет, не просто баба я —
Победившего жена.

И слились с рекой река...
Продолженьем этих вод
Обь-река течет века
Все вперед.
Всегда вперед!

1929 г.

СЛОВО О ПРЕДТЕЧАХ

(Вместо послесловия)

Это слово — о предтечах.

Всякая река имеет истоки.

Свое начало и у нашей литературы.

Небольшая книжица «Мудрый богатырь» предложила вниманию читателей произведения первых алтайских писателей, живших в прошлом и начале нынешнего столетий. Впервые в переводах на русский язык публикуется поэтическое наследие зачинателей нашей поэзии, и хотя представлено оно лишь отчасти, тем весомее значимость настоящего издания. Поэтический характер издания не позволил включить произведения других жанров. И все же русскоязычный читатель может вполне составить представление об истоках письменной поэзии алтайского народа.

Следующая очередь — за прозой М. В. Чевалкова и других писателей дореволюционной поры, драматургией и прозой М. В. Мундус-Эдокова, поэтической публицистикой П. А. Чагат-Строева. Далее — целый ряд молодых революционных поэтов 20-х годов: ведь их имена читателю, и не только русскоязычному, неизвестны даже понаслышке. А затем — и писатели тридцатых годов, чье творчество представляет собой уже непосредственные подступы к литературе профессиональной, литературе качественно другого порядка. Дело — за будущим.

Пусть и запоздала эта встреча на несколько десятилетий, но тем неожиданней и радостней, в особенности для тех, кому, к сожалению, недоступен язык оригинала.

Нет особой нужды повторять очевидную истину о том, насколько важным является перевод на русский язык нашей устной словесности, произведений зачинателей письменной традиции. В этом заинтересована вся наша культурная общественность. Поэтому писательская организация Горного Алтая, областное отделение Алтайского книжного издательства наряду с ГАНИИИЯЛ прилагают конкретные усилия по введению в широкий литературный и научный оборот творчества основоположников алтайской письменной литературы.

Знаменательно, что знакомство с поэтическим творчеством М. В. Чевалкова, П. А. Чагат-Строева, М. В. Мундус-Эдокова происходит в пору, когда во всех сферах жизни советского общества идет обновление и когда советская многонациональная литература открывает как для себя, так и для читателей творчество малознакомых или незаслуженно забытых писателей предыдущих поколений.

Отраднo и другое, тоже не менее важное обстоятельство. Новосибирские товарищи с пониманием откликнулись на просьбу нашей писательской организации сделать литературные переводы. Несмотря на сжатые сроки, работу они выполнили добросовестно, с глубинным проникновением в дух алтайской поэзии. Уместно вспомнить, что первыми переводчиками алтайской литературы на русский язык еще в 20—30-е годы тоже были новосибирцы, ясно осознававшие сопричастность свою к Алтаю, а нашу — к Сибири. Образно выражаясь, мы и воду пьем одну, из одних источников. Творческое содружество стало для нас как бы нравственно-этической нормой взаимоотношений, традицией, заложенной еще лучшими демократическими силами Сибири, которые вели пропаганду достижений духовной культуры всех народов, населяющих ее необъятные просторы.

Алтайская литература издавна пользовалась приоритетным вниманием сибирской периодики, особенно журнала «Сибирские огни». В наше время горизонты творческого сотрудничества писателей Горного Алтая значительно расширились. Мы дорожим связями с писателями, переводчиками Москвы, Ленинграда и других городов России, с представителями братских национальных литератур. И тем не менее всегда помним и ценим роль Новосибирска, его литературных сил. И в дальнейшем работы у нас — непочатый край. Разумеется, не вследствие лишь территориальной близости, но именно по причинам творческого созвучия и близости духовной. Ведь Сибирь еще только начинает осознавать себя не просто территорией, а единым, во всем многообразии своей духовной мощи, культурно-историческим регионом. Уже невозможно представить современную русскую литературу без ее сибирских представителей, столь весом, значителен их вклад в ее развитие на современном этапе, а двуединый синтез наших культурных традиций только начинает складываться как естественный, в силу общности развития, процесс.

Закономерен возросший интерес к раннему, начальному периоду становления нашей культуры, к истокам рождения алтайской письменности. Закономерно и стремление осмыслить этапы пути, пройденного алтайской литературой до 80-х

годов, когда она становится: одним из приметных факторов: среди литератур многонациональной России.

К настоящему времени о наших предшественниках написано немало исследований,* которые создают уже достаточно солидную основу для более углубленного изучения и более широкой пропаганды и популяризации их творчества через литературные и научные публикации в центральных и региональных изданиях. Творчество первых алтайских писателей заслуживает большей известности. Не следует полагать, что их произведения — это лишь памятники нашей словесности на ее начальной стадии формирования. За последние годы мы как бы заново открыли их для себя. Они стали ближе нам, созвучней. И тем неподдельней к ним интерес читательской общественности, хотя пока еще явно не хватает более полных, добротнo подготовленных изданий, снабженных серьезным исследовательским аппаратом. Настоящее издание — только лишь прелюдия к ним.

Текущая литературная критика, особенно в центре, не в пример местному литературоведению, зачастую делает серьезные ошибки, когда речь ведет о национальных литературах, подобных нашей. Происходит это, конечно же, вследствие недостаточной осведомленности, поскольку критика не имеет необходимых данных. То, глядишь, пытается она необоснованно отнести нашу литературу к младо- или новописьменным, полагая, что зародилась она чуть ли не в послевоенные годы. То пытается поднять на щит ту или иную конкретную личность вопреки и в ущерб объективному литературному процессу в той или иной национальной литературе. И вот это-то незнание языка, реальной ситуации, в особенности культурно-исторического фона, приводит к печальному явлению, когда именно те, кто органично вписывается в свою культуру, чье творчество являет собою и плод, и проявление национальной языковой стихии в отличие от тех, кто гонит строку «на экспорт», на скорые переводы в центральных издательствах, оказываются незаслуженно в тени, а то и вовсе пребывают в глухой неизвестности. А по эффекту обратной связи такая невольная передержка, смеще-

* См. такие работы: С. С. Суразаков «Алтай литература» (на алт. языке), Горно-Алтайск, 1962 г., З. С. Казагачева «Зарождение алтайской литературы», 1972 г. Горно-Алтайск, «Очерки по истории алтайской литературы», 1969 г. В разрезе русско-алтайских литературных взаимосвязей: Г. В. Кондаков, «Связь времен», 1979 г. и «Духовное согласие», 1983 г.

ние оценок приводит национальные литературы к трансформации и другим довольно серьезным негативным последствиям, что особенно характерно для текущего момента. Не надо ходить далеко за примерами. Достаточно назвать Лазаря Кокышева — этапное явление в нашей литературе. Кому он известен за пределами Горного Алтая, кроме личных знакомых в литературных кругах? А между тем всеобщее народное признание его творчества уже само по себе возводит его в ранг нашего великого поэта. Такое признание пришло к нему уже при его нелегкой жизни — без официальных почестей и регалий, без панегирических од высокой критики, воздающей похвалы книгам, созданным из подстрочников. И вот почему важно, очень важно видеть, понимать предыдущий культурный фон, уже сложившиеся традиции и достижения той или иной национальной литературы. В этом отношении — достойное слово за нашим литературоведением, которое может и должно оказать серьезную помощь своей родной сестре — текущей критике, четко обозначив все ориентиры, расставив необходимые акценты по всем этапам развития алтайской литературы, от самых истоков вплоть до наших дней.

Зрелость литературы определяют не только создаваемые ею минутой произведения, не просто сам текущий процесс и даже не ее современный уровень, как бы ни был он высок. Зрелость наша определяется и отношением к пройденному пути, к тому, как мы осознаем и оцениваем в самих себе своих предтеч, предыдущие поколения.

Сказанное в свое время Н. А. Баскаковым применительно к алтайской литературе является справедливым и в отношении соседних, родственных литератур: «Алтайский фольклор и литература представляют собой чрезвычайно сложный комплекс вопросов, входящих не только в круг исследований филологов-литературоведов, но и специалистов смежных дисциплин: историков, археологов и этнографов Востока. И поэтому если мы обратимся непосредственно к историографии алтайского фольклора и литературы в дооктябрьский и послеоктябрьский периоды, то должны привлечь не только труды фольклорного и литературного характера, но и частично и труды специалистов по смежным дисциплинам, касающихся в той или иной степени вопросов истории и генезиса алтайского народа и его культуры».¹

В связи с этим имеющиеся работы, наметив общие контуры

¹ Н. А. Баскаков. Алтайский фольклор и литература, Горно-Алтайский облнаиздат, 1948 г., стр. 5.

ры и очертив основные, узловые моменты развития, дают в настоящее время реальную основу для более глубоких теоретических исследований аналитического характера, которые могли бы привести к естественной необходимости — ввести в обиход советского литературоведения такой своеобразный, но все еще слабоизученный регион, как Южная Сибирь, представляющий собой целостный культурно-исторический комплекс. На основе синтеза фольклора и современной письменной традиции сложились в разное время, но развиваются согласно присущим всей советской многонациональной литературе общим закономерностям братские литературы Алтая, Тувы, Хакасии и Горной Шории. Конкретные изыскания начинаются и в этом направлении, о чем свидетельствует появление заслуживающей внимания работы Р. А. Палкиной¹. Генетически все они восходят к древнетюркской и древнеуйгурской литературе, имеют немало таких черт, которые их роднят с другими литературами народов Центральной Азии. Общепризнан в советской науке вклад С. С. Суразакова в алтайскую фольклористику и особенно в эпосоведение. Но многие ли знают о том, что именно он вывел из тьмы забвения имена и творчество не только этих, но и многих поэтов, еще остающихся в общем ряду лишь предметом литературоведческих ссылок и констатаций, когда говорится о литературе 20—30-х годов? Он не только подготовил их первые публикации, но и начал первым изучение первоначальных источников алтайской литературы, очертил этапы развития. Еще раз подчеркнем то, как многим мы обязаны светлomu имени этого подвижника.

Отрадным фактом является и то, что к вполне творческому осмыслению жизни и деятельности своих литературных предтеч наряду со специалистами обращаются сегодня и современные писатели Горного Алтая. Это говорит о стремлении к более глубокому прочтению произведений предшественников в пору, когда мы итожим пройденный алтайской советской поэзией путь за 70 лет. Имеется в виду антология, которую готовим на алтайском языке параллельно с этим изданием.

Творчество этих поэтов мы пытаемся рассматривать в этом контексте, отчетливо представляя себе весь культурно-исторический фон их времени.

¹ Р. А. Палкина. Роман в литературах народов Южной Сибири (формирование и развитие жанра в связи с эволюцией прозы), Горно-Алтайск, 1979 г.

Особое место в алтайской литературе занимает М. В. Чевалков. Это — основоположник, с него начинается наша письменная словесность. Первое художественное произведение было написано им в 1860 году в виде повествования о собственной жизни, называлось оно «Чөбөлкөптүн жүрүми», («Житие Чевалкова»). Жизнь его уложилась почти на весь XIX век (1817—1901 гг.). Долгий и многотрудный для жизни нашего народа век, век анабиоза и накопления внутренних сил, в его сумерках еще нелегко было разглядеть предстоящую историческую судьбу, поверить в наш завтрашний день. Его жизнеописание, впоследствии дополненное и переадресованное, вместо обращения к Радлову собственным делом, вышло отдельным изданием в 1894 году в Москве. В сносах переводчиком сделано примечание о том, что оно в оригинале называется «Ундулбас кереес». Оригинал этот, равно как и факсимиле Чевалкова, до сих пор не найден. В наше время его стихи, басни и поэмы выходили в Горно-Алтайске в 1958 и 1980 годах. Последнее издание было дополнено его первым прозаическим произведением, которое, к сожалению, осуществлено по первоначальному варианту, так, как оно было опубликовано в I томе «Образцов народной литературы тюркских племен» в Санкт-петербургском академическом издании 1866 года*.

Кроме прозаического «Жития» перу этого самородка принадлежат аллегорические поэмы, стихотворные притчи, басни, дидактические афоризмы, ставшие, благодаря doskonaльному знанию и пониманию изобразительных средств родного фольклора, удивительно созвучными народному духу. Уже при жизни Чевалкова книги его стали любимым чтением на Алтае, разумеется, для тех, кому была доступна миссионерская грамота. Но народ, веками воспитанный в традициях устной словесности, умел хорошо слушать и легко запоминать.

Литературное творчество было только частью того, чем жил этот человек. Многим, порой бесценным материалом были обязаны крупные ученые и исследователи, путешественники и разного рода чиновники царской администрации ему, как крупнейшему знатоку фольклорных, исторических и этнографических традиций народной культуры Алтая. Объем настоящей статьи не позволяет суммировать все стороны его многогранной деятельности, можно лишь очень коротко оста-

* См. «Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи», Санкт-Петербург, 1866 г., том I, стр. 113—159.

новиться на основных его произведениях. Но задача эта остается в перспективе.

Неподдельный интерес к имени и творчеству М. В. Чевалкова, конечно же, обусловлен прежде всего общим возрастанием интереса к истории родного народа, формированию его самобытной духовной культуры, генезису алтайской художественной литературы. Сведения о его творчестве появлялись в исторической литературе и литературоведении крайне неравноценные. Иногда акценты невольно смещались, бывали попытки представить его творчество чуть ли не проявлением миссионерской идеологии, основанные, очевидно, на позднейшем издании «Памятного завещания» в переводе одной личности Макария Невского, вдохновителя кровавой расправы с бурханистами в 1904 году в долине Терен и организатора черносотенного самосуда над революционерами в Томске в период событий первой русской революции. Между тем иные исследователи наверняка охладили бы пыл своих крайних суждений, будь знакомы они с языком и сумей познакомиться в оригинале с его поэтическими произведениями, глубоко народными как по форме, так и по духу.

Вот почему, на наш взгляд, столь актуальна необходимость полного осмысления путей развития и специфики движения общественной и творческой мысли Горного Алтая. Трактовка вне конкретного социально-исторического контекста роли и значения той или иной творческой личности неизбежно приводила к серьезным методологическим ошибкам. Впадать в крайности категоричных суждений и оценок, считать свою точку зрения конечной инстанцией истины непозволительно. В немалой степени столь порочный метод, длительное время господствовавший в нашей науке, особенно в сфере общественных дисциплин, отрицательным образом повлиял, например, на преемственность традиций, надолго притормозил и сам процесс осмысления предыдущих этапов. И, надо признать, до сего времени еще у современного поколения проявляются остаточные явления нигилистического отношения к творческой деятельности собственных предтеч. С конца 50-х годов наступает качественно другой этап развития алтайской литературы. Но это новое поколение шло как бы по литературной целине, поскольку почти не имело представления о своих предтечах, кроме П. В. Кучияка. А произошло это по той простой причине, что не только отдельные личности, но и целые периоды были изъяты из активного литературного обращения. Подлинных сведений о характере литературной ситуации довоенной поры, не говоря о дооктябрьском периоде, у молодежи не было. Гигантский скальпель периода

культы личности начисто срезал довольно значительный слой и нашей алтайской литературы, создав ощущение, что до него ничего путного не могло быть вовсе.

Правда, на сегодняшний день многое уже встало или становится на свои места. И хотя в истории нашей литературы заметно поубавилось «белых пятен», сил литературоведческих все же явно не хватает. Нашими литературоведами сделано немало позитивного, тем не менее, очень серьезная, очень кропотливая работа все еще впереди. Нет пока «Истории алтайской литературы». А это на сегодня — главное. И нет уверенности в том, что она, эта будущая «История», все расставит по местам. Объясняется также положение в немалой степени недостаточно собранным и обработанным творческим наследием наших первых писателей, практически отсутствием в то время текущей критики. Не хватает, что очень ощутимо, и живых свидетельств, воспоминаний их ближних, записок очевидцев и современников, мало сохранилось документальных, архивных материалов.

10-томное фундаментальное собрание «Образцы народной литературы тюркских племен» В. В. Радлова, издававшееся под его началом Российской Академией наук с 1866 по 1907 год, пользуется в мировой и отечественной тюркологии заслуженной славой. Начало этому изданию положил алтайский том, вышедший на языке оригинала с параллельным переводом на немецкий. Это сделало книгу сразу же достойным европейской науки того времени. Интерес к ней значителен по сей день, хотя конспективность и фрагментарность некоторых записей, в отличие от современных, а также отсутствие необходимой паспортизации несколько снижают ее уровень.

К столетию со времени выхода книга была переиздана Индианским университетом США, снабжена английским предисловием. Появилось и западногерманское издание. Не обходят ее вниманием исследователи и в других странах, в частности, Англии, Венгрии, Швеции, Турции и Японии, не говоря уже о фольклористах и востоковедах-тюркологах СССР. Все это в совокупности свидетельствует о неослабном интересе к памятникам народной литературы Алтая, зафиксированным в середине прошлого века. Примечательно в данном случае то, что М. В. Чевалков был своего рода сотворцом этой уникальной книги, что как-то прошло мимо внимания как зарубежных, так и наших исследователей, в чем, видимо, сказалась магия имени и значения самого Радлова. Только мимоходом об этом факте упоминается в главе «Алтай» книги Элизе Реклю «Земля и люди»: «Улала, центр православной миссии

на Алтае, обладает любопытной коллекцией народных песен, собранных в этой стране Радловым и Чевалковым»*.

Между тем Радлов так сообщает в предисловии: «Большая часть телеутских текстов записана мною под диктовку инородцев. Доставлением текстов пословиц, биографии Чевалкова, некоторых из легенд, переводов с русского басен и части песен импровизированных обязан я Чевалкову»**.

Открытие же Чевалкова, как писателя, произошло при следующих обстоятельствах. В 1860 году, возвращаясь после первой поездки в глубь Алтая по рекам Катунь и Чуе вплоть до китайской межи в сопровождении жены и толмача — Якова Тонжана, в Улалу заехал учитель немецкого и латинского языков в Барнаульском горном училище. Это был еще никому неизвестный, совсем молодой исследователь Вильгельм Радлов, 23 лет от роду, питомец Берлинского университета, который только за год перед этим прибыл на Алтай. Он еще только приступал к научной деятельности, которая в течение последующих шестидесяти лет охватит последовательно все области тюркологии и ознаменует собою качественно новую эпоху в ее развитии.

Выехав в Россию вначале с целью изучения тунгусов-эвенков, этого загадочного для европейской науки великого таежного народа, освоившего громадные просторы Сибири от Енисея до Тихого океана, Радлов намечал для себя обширный план научных исследований по изучению жизни народов азиатской части России. Однако обстоятельства сложились так, что он очутился в Барнауле, будущем центре Алтая. Столь счастливое для тюркологической науки стечение обстоятельств, подобно историческому провидению, точно определило Алтай как исходную точку его научных изысканий, что впоследствии убедительно было доказано всем дальнейшим ходом изучения истории, культуры, языков, этнографии, фольклора тюркоязычных народов.

И вот, первая же поездка Радлова привела его к встрече с Чевалковым. Нет ли в этом элемента случайности? Вряд ли. Такая встреча была предопределена заранее, и вот почему. Чевалков, которому в ту пору было сорок лет, пользовался на Алтае как среди своих сородичей, так и среди миссионеров, представителей местной уездной и губернской администрации, достаточной известностью. Встреча эта оказалась

* Э. Реклю. Земля и люди, М., 1883 г., перевод с французского, стр. 494.

** «Образцы народной литературы тюркских племен», Санкт-Петербург, 1866, предисловие, стр. XIV.

весьма знаменательной для них обоих. Встретились люди, нуждавшиеся друг в друге. Кстати, очень своевременно. Чевалкову нужен был именно к этому времени, когда он внутренне созрел и возмужал, такой внешний толчок с тем, чтобы проявить в нем дремлющий, подобно зернышку в земле, талант. Радлову же требовался толковый и вполне грамотный переводчик, который мог бы помочь ему в обработке и осмыслении собранного лингвистического и фольклорного материала в качестве информатора и комментатора. Чевалков и был наиболее подходящей кандидатурой. Другого на Алтае в то время, пожалуй, невозможно было сыскать, учитывая почти поголовную неграмотность населения.

Правда, были люди, знавшие другую грамоту, буддийскую. Жили они среди алтайцев Урсульской и Каракольской долин, а также в районе Каспы и Улус-Черги. Их было довольно немного, считанные единицы. Народная память сохранила о них достоверные свидетельства. Это — и мудрый Боор сын Солтона, живший в Боочи, Шиме-судурчы неподалеку от Каспы, Кундий и Оруска Шабураковы из телеутов, не подпавших под крещение, Кёкул в урочище Верх-Карасу выше Кулады, Учар-Ака из Каярлыка, народный поэт и неутомимый путешественник-летун. Эти лица владели буддийской письменностью, хранили и читали судуры — книги мудрости, вынесенные в свое время их предками из глубин Джунгарии и монастырей Тибета, куда продолжали хождения еще в XIX веке, подобно своим соседям — кержакам Уймонской долины и Бухтармы, которые, блуждая по горам и пустыням Центральной Азии, упорно искали сказочную страну — Беловодье.

К сожалению великому, знание это скрывалось ими, особенно от миссионеров и представителей администрации. В силу этого возможность встречи и общения с ними Радлова была исключена, иначе наука обогатилась бы интереснейшим материалом в плане этнокультурных взаимосвязей народов центральноазиатского ареала и помогла бы пролить дополнительный свет на источники некоторых материалов, несомненно буддийского характера, помещенных в этом томе «Образцов». Этим вопросом задавался академик А. Шифнер в предисловии к их немецкому переводу. На каком языке были эти судуры-сутры — монгольском, тибетском, ойратском или даже древнеуйгурском? Такие книги имелись, по сведениям из уст очевидцев, еще не столь давно, вплоть до 30—40-х годов у отдельных жителей Каракольской долины, Чуйской степи. Надо полагать, что эти позднейшие книги появились уже в результате оживления торговли и культурных контактов с Монголией по Чуйскому тракту со второй

половины XIX века и они, должно быть, написаны были на монгольском языке. Это обстоятельство остается загадкой для исследователей, пока такие книги не будут обнаружены у нас, в Горном Алтае где-нибудь в укромной пещере или ином глухом месте, куда были запрятаны, либо в местах захоронений. Интересует и вопрос, где и от кого были записаны они Радловым? А быть может, и от самого Чевалкова? В диалектном отношении они во всяком случае носят характер алтайско-телеутский. Такое свидетельство очень ценно, особенно в свете установления фольклорных источников его поэмы «Спор Водки с Чаем», о чем разговор ниже.

Прослышав по пути о Чевалкове, Радлов непременно захотел увидеться с ним. Встреча убедила молодого ученого, что он не обманулся в ожиданиях. Правда, неожиданное предложение о сотрудничестве довольно сильно смутило того. Чевалков, как сам о том пишет, испытал вначале необычайное душевное волнение. Только после глубоких колебаний он согласился поехать с Радловым в Барнаул. Работал он с Радловым три месяца подряд, помогал составлять книгу, первую на его родном языке, в том виде, в каком она известна теперь всему тюркологическому миру.

По настоянию Радлова, кроме записей народных песен, преданий и сказаний, он написал повествование о своей жизни. В этом сказалось его природное чувство долга и желание «содейть полезное для своего аймака», хотя его точили сомнения в собственных возможностях. Впоследствии миссионеры, да и другие исследователи того времени, называли его труд попросту «биографией», в чем невольно проявилось их снисходительное отношение к Чевалкову и недооценка художественной стороны этого произведения. Да и Радлов поначалу хотел его сочинение использовать только как лексический материал. Но когда Чевалков закончил свой труд, давший ему цену неимоверной, Радлов увидел перед собой первое на алтайском языке художественное произведение, занесенное на бумагу. Он писателем не был и оттого, быть может, не оставил эмоциональных свидетельств происшедшего события, хотя мог по праву испытывать гордость за непосредственную причастность к зарождению письменной литературы у алтайцев, которым, по его мнению, в то время, подобно и другим кочевым и охотничьим племенам Сибири, неизбежно грозили регресс и вырождение. Но как закономерно то, что не миссионеры, которым за гроши толмачил Чевалков, переводя священное писание, а Радлов, великий ученый, раскрыл в нем ум и талант, по достоинству оценил его знания и способности самым фактом первой публикации

его сочинения в «Образцах народной литературы»! А ведь не случайно так настойчивы были миссионеры, еще при Макарии Глухареве, ученом монахе, основателе православной миссии, предлагая Чевалкову работу переводчика. Они очень даже ценили и понимали художественное качество переводимой им литературы, но по существу своему и помыслить не могли, чтобы Чевалков развился как творческая личность. Все превратности его последующей жизни напрямую были связаны именно с этим обстоятельством.

Уже тогда Радлов метко подчеркивал недоверие алтайцев к миссионерам. Причины этого явления он объяснял совершенно недвусмысленно. Миссия, по его словам, кажется алтайцу учреждением, враждебным его быту, на того, кто принял христианство, смотрят как на изменника своему народу, тем более что новообращенный перенимает не только имя, но и даже одежду, вынужден отказаться от образа жизни своих сородичей, отчуждается внешне и внутренне от них. А поверхностное усвоение цивилизации, культивировавшийся миссионерами без создания надлежащих к тому социально-экономических и культурно-бытовых предпосылок, вредно отражается на народной нравственности; честность и прямота кочевников быстро исчезают там, где они переходят к оседлости и образу жизни крестьян, воровство и обман становятся обычным явлением. Это же самое обстоятельство подчеркивал и Г. Н. Потанин, путешествовавший по Алтаю спустя двадцать лет после Радлова, когда описывал быт и нравы миссионерского селения Онгудай. Миссия, заботясь о количестве душ, принявших крещение, всячески «оберегала» их от светской культуры, а получение образования считала даже вредоносным, не прислушивалась к разумным доводам таких людей, как Радлов, Потанин или Ядринцев. Вот что писал, горестно сетуя, сибирский публицист и исследователь Н. М. Ядринцев: «Путешествуя по Алтаю, мы видели образовую школу в Улале, устроенную для целей миссии. Преподавание велось на алтайском (тюркском) языке. Но из этих школ не было никакого другого выхода, как поступить в службы миссии. Между тем, мы видели здесь людей с выдающимися способностями, именно братьев Чевалковых, из которых один достиг священнического сана. Отец Михаил своими познаниями служил для многих путешественников, а именно для Принтца, Потанина, ориенталиста Радлова, снабжая их материалами из области народного творчества алтайцев и их мифологии. Другой брат Чевалков оказывал страсть к медицине, делал даже операции; он знал много ремесел, выказывал способность к музыке. Как жаль, что спо-

способности подобных людей не имели выхода. Из алтайцев и телеутов мы не знаем ни одного, достигшего даже уездного училища, нет ни одного образованного телеута, хотя многие из них совершенно обруселые»*.

Через повествование о прошедших годах жизни в своем «Житии» М. Чевалков глубоко реалистически раскрывает тогдашний мир Алтая: описывает жизнь алтайских племен во всем их этнографическом своеобразии, их быт, уклад, обычаи и верования. Язык и стиль произведения оставляют впечатление первозданной чистоты. Многих, кто впервые прикасается к чтению его, поражает ясный строй изложения, образная гибкость, лексические богатства телеутского диалекта. Ведь это, как ни говори, первое сочинение человека, который и образования-то, в нашем понимании, не имел, а читать научился практически тайком, прячась в чулане от сурового отца. Где источники этого стиля? Успел ли он отшлифовать слог, занимаясь переводами церковных книг? Это возможно, однако лишь отчасти. Главное, видимо, заключается в нем самом, в личности его как носителя народной культуры, языковой стихии, устного художественного творчества, имеющего древнейшие корни и богатые традиции.

И в последующих дидактических поэмах «Пахарь и Охотник», «Спор Араки с Чаем» «Сеноставка и ленивая Лягушка», «Звери Алтая», «Бедный Крот и богатая Сорока», а также во множестве стихотворений-притч, крылатых слов М. В. Чевалков умело использовал возможности еще не развившегося в литературном отношении языка, придав ему и образность, и звучность. Тут — мир, который нам, потомкам, порой трудно представить.

В его поэтическом творчестве предстает синтез поэтики, заимствованный им в процессе освоения у русской и библейской литератур, с традициями устной поэзии Алтая. Поэмы Чевалкова поразительным образом напоминают алтайские сказки о животных, хотя это его оригинальные творения. Им присущи добродушный юмор, жизнерадостность, не лишены они и трезвой народной морали. В них нет ничего, что подтверждало бы влияние религиозной идеологии, подминающей под себя свободное народное творчество, как это подмечали В. В. Радлов, В. В. Бартольд в отношении всеиссушающего воздействия ислама на произведения словесности тех тюркских народов, которые оказались в его культурно-религиозной орбите. Особенно демократичен дух его стихов.

* Н. Ядринцев, Сибирские инородцы, С-Петербург, 1891 г., стр. 229.

напоминающих пословицы и поговорки и относящиеся к древнейшему народному жанру наставлений-сургалов.

Литературоведение и фольклористика еще должны окончательно уточнить и определить жанры алтайской народной поэзии, равно как и произведений первых, еще непрофессиональных литераторов Горного Алтая. Такие жанры, как алкышы — благопожелания, каргыши — проклятия, сургалы — дидактические нравственно-этические наставления, мактаалы и уткуулы — оды, гимны, восхваления, приветствия, ченежү-сөгүши — споры-состязания, изначально присущи как народной поэзии, так и древней литературе наших предков — тюрков и хунну-теле, а также другим литературам народов Центральной Азии, с которыми во все века исторического существования происходили ареальные контакты и прочное взаимодействие при определенном билингвизме. Следовательно, надо полагать, что при внимательном изучении должны быть введены в обиход нашего литературоведения и текущей критики также обозначения жанров.

Очевидно, необходимо очертить фон социально-экономических условий, складывавшихся в ту пору, когда творил поэт и что так или иначе преломилось в его произведениях.

С середины 60-х годов прошлого столетия начинается постепенная колонизация внутренних долин Алтая, что, в свою очередь, связано с развитием капиталистических отношений после отмены крепостного права в России. В горы первым ринулся неистовый торговый капитал, чьи фантастические операции с детьми природы так достоверно описаны рядом сибирских исследователей, например, Н. М. Ядринцевым. Процесс колонизации закономерным образом ведет к сокращению пастбищ для скота кочевников и охотничьих угодий для населения черневой тайги. Эти обстоятельства обращают кочевника и охотника в земледельца. Переход к оседлости совершался только под давлением экономической необходимости. Обитателям горной тайги — йыш оставалось одно: либо погибать от нищеты и голода, либо переходить к оседлости, сочетая занятие хлебопашеством с традиционным скотоводством. Телеуты ранее других племен вынуждены были прийти к решению изменить вековой уклад жизни, что было альтернативой неизбежной гибели.

Очевидец и свидетель этого явления, Чевалков по-своему искал ответа на этот многотрудный процесс. В поэме «Пахарь и Охотник» он доказывает сородичам естественные преимущества земледелия. Но недостаточно доказывать очевидное, считал он, — надо было прививать необходимые для новой жизни навыки. Совершая по Алтаю поездки, занимаясь ме-

новой торговлей в районах черневой тайги, он звал свой народ смелее учиться у русских крестьян, заимствуя у них не только орудия земледельческого труда, но обучаться прежде всего навыкам хозяйствования. Так уже в 70-е годы, находясь в Чолушмане, у жителей восточной части Горного Алтая (нынешний Улаганский и Кош-Агачский районы), которые лишь незадолго перед этим и при самом непосредственном участии Чевалкова окончательно стали подданными России, соединившись наконец с основной частью алтайского народа, он «обучал их всему тому, что нужно было для них: и сани делать, и телегу устраивать, и соху направлять, и избу строить, и тес пилить; обучал и другим делам»*.

Надо было также побуждать кочевников к систематическому труду, преодолению праздного образа жизни. Отголоски этих побуждений слышны в поэме «Сеноставка и ленивая Лягушка». Мотивы имущественной дифференциации, несправедливой системы управления и правосудия, выразившейся в наследственном институте власти (зайсанат), еще более укрепившемся под эгидой царской администрации и тесно сраставшемся с ней, нашли отражение в «Бедном Кроте и богатой Сороке», «Зверях Алтая». Однако, в силу исторической ограниченности своих взглядов, Чевалков еще был далек от понимания истинных законов общественного развития — он был сыном своего времени.

Удивительным произведением является поэма-действие «Спор Араки с Чаем». В данном случае имеется в виду не традиционный алкогольный напиток кочевников Евразии, приготовляемый из квашеного молока — чегеня или кумыса. «Огненная вода» купцов с 70-х годов стала морем разливаясь по долинам и урочищам Алтая, спаивая народ, не имевший иммунитета к этому страшному яду. Трагические последствия этого явления достаточно освещены в исторической литературе, произведениях сибирских русских писателей, и нет нужды повторяться. Нас интересует другая сторона, на которой следует остановиться подробнее, тем более, что эти сведения приводятся впервые в плане сравнительно-сопоставительного изучения.

В мировых литературах средневекового Востока значительное место занимают произведения аллегорические, использующие так называемые «звериные» и растительные мотивы. Классическое воплощение эти мотивы получили, например,

* М. В. Чевалков, «Памятное завещание». В журн. «Православный благовестник», 1984 г, № 21, стр. 233.

В прикладном искусстве эпохи ранних кочевников Алтая (находки из оледенелых курганов Башадара, Пазырыка, Канданды, Туекты и Шибе). А такого рода произведения на ранних этапах развития литератур имеют явно дидактический характер. По смысловому содержанию они приближаются к европейским басням и моральным наставлениям. В период позднесредневековый эти мотивы используются больше для создания открыто сатирических поэм, повестей или даже романов. Разного рода «споры» — вообще чрезвычайно распространенная форма в средневековых литературах едва ли не всех народов, восходящая к народным обрядовым играм и испытавшая влияние формы ученых и религиозных прений и диспутов. Это явление особенно характерно для Центральной Азии, где всегда сталкивались и соприкасались различные религии и философские течения. Для примера сошлемся на «Спор Зимы и Лета» в литературе древних тюрков. Это игры-прения тюркских народов, они и по сей день сохранились в алтайской народной поэзии, например, в песенных состязаниях, происходящих на свадьбах и пирах, игрищах и обрядовых действиях. Такие состязания зафиксированы в 90-х годах прошлого столетия у теленгитов*. Споры-дразнилки между родами, носившие, впрочем, шуточный характер, но в прежние времена они, очевидно, не были столь мирными. Мы хорошо знаем песни-споры знаменитых певцов Улагана, таких, как Калан и Колонди.

Любопытно, что среди рукописей, обнаруженных в начале XX века в пещерной библиотеке Дуньхуана, сохранилась запись диспута между Вином и Чаем (список 970 года), построенного абсолютно по тому же типу, что и ученые диспуты в средневековой Европе, сообщает Б. Л. Рифтин. Вино и Чай спорят меж собой, доказывая свое превосходство ссылками на исторических деятелей Индии и Китая. В конце концов в спор вступает Вода, призывающая их к согласию и миру, так как без нее никто из спорящих не мог бы существовать. А ремарка в начале текста («Чай выходит и говорит») явно свидетельствует о разыгрывании «ученого» диспута. В нашем примере то же самое происходит в поэме Чевалкова, где к судье Амзуру приходят с жалобой друг на друга Арака и Чай и яростно спорят. Споры цветов (роза и нарцисс) или предметов (меч и нож) были популярны в средневековой арабской литературе.

* А. Калачев. «О народной поэзии теленгитов», см. в журнале «Живая старина», 1896 год, вып. III и IV.

А теперь зададимся вопросом: откуда мог бы Чевалков знать о подобных произведениях, когда не был знаком ни с арабской, ни с европейской или китайской литературной традицией, тем более тексты из Дуньхуана не были обнаружены при его жизни? Ведь между временем создания «Спора Араки с Чаем» и поэмой Чевалкова лежит пропасть промежуток в 900 лет!

Здесь очевидно не только типологическое сходство — налицо прямая генетическая связь с литературой древнетюркского, а еще более древнеуйгурского времени (VI—XII вв.), относящейся к эпохе существования тех кочевых государств, откуда вышли предки алтайцев-телеутов. Значит, такого рода произведение, несомненно, существовало в устной передаче в течение многих столетий, не прерываясь из поколения в поколение. А это подтверждает связи древнетюркской литературы с другими литературами Востока, например, в области сочинений переводов религиозно-философского и нравственно-этического содержания. Как бы о многом поведали сейчас судуры Алтая, будь они коим-нибудь образом обнаружены вновь! При определенном дву- или трехязычии возникает зачастую не просто перевод, а изложение и творческая переработка. Вспомним эпитафийные поэмы в честь Кюль-тегина, Бильге-кагана или Тоньюкука, высеченные на каменных стелах на двух языках — древнетюркском и китайском эпохи Тан. Таким же образом, очевидно, Чевалков переосмыслил в 70-х годах бытовавший среди народа поэтический «Спор Араки с Чаем», переакцентировав его применительно к условиям появления «кабацкого зелья» на Алтае. Чем иначе объяснить появление такого рода поэмы у Чевалкова? Истоки ее, несомненно, в народной литературе, сохранявшей свою устойчивость с незапамятных пор. В то время, как у тюркских народов, вошедших в лоно ислама еще в средние века, поэтическая традиция, трансформировавшись под влиянием арабо-персидской поэтики, влилась в другой, мощный поток, то у нас народная литература, равно как и наш эпос, сохранила в себе поэтические традиции древнетюркского времени, присущий себе строй идей и образов, достаточно сильных даже для того, чтобы сохраниться под воздействием иноязычной монгольской эпохи (XIII—XVIII вв.).

Жизнь и творчество М. В. Чевалкова являют собой символ неустанного подвижничества и просветительства в немых условиях отсталой колониальной Сибири, символ подвига во имя родной литературы и родного народа. С великим вниманием и бережностью должны мы относиться к заложенной им традиции: преемственности, что идет от все-

го лучшего в народной культуре и предтечах; взаимосвязей с передовой литературой и наукой, отечественной и зарубежной. Укреплять и развивать эту прекрасную традицию — наша непрерывная задача во всех поколениях.

Прямым продолжателем и творческим наследником М. В. Чевалкова с полным правом можно назвать М. В. Мундус-Эдокова (1879—1942 г.), также уроженца Улалы и сородича его. Начало века ознаменовалось открытием в нескольких алтайских селениях церковно-приходских школ, куда требовались учителя. Год кончины Чевалкова молодой учитель встретил в ближних от Улалы селах Карасук и Сайдыс. Сам Мирон закончил в Улале четыре класса школы того же типа, описанной подробно Г. Н. Потаниным, Н. М. Ядринцевым.

Отец его, Василий Федорович, был человек среднего достатка, занимался усердно крестьянским трудом, разводил скот и содержал пчел. Мирон, пока перед ним не открылась с новым веком учительская стезя, помогал ему в хозяйстве, хотя душа его не очень лежала к этому. Любил он очень природу, уединенную тишину, мечтал и не верил попам. Хотелось ему найти истину, найти и сказать об этом людям, чтобы жили они лучше, светлее и чище. Но к этому еще надо было идти да идти через годы, пока не наступил тот самый рассвет...

Творчество Мундус-Эдокова стыкует собою два принципиально отличных этапа развития алтайской литературы — дореволюционный и советский. Свои первые опыты в области литературного творчества он начал в предреволюционные годы в период учительства. Сам выйдя из педагогического лона православной миссии, дерзким поведением и разоблачением поповских рассказней он неоднократно навлек на себя гнев миссионеров, за что зачастую изгонялся из школ и вынужден был менять место своей работы. Были в его биографии Чибит, Туекта, революцию застал учителем Мыотинской школы.

Революционный рассвет учитель Мундус-Эдоков встретил ликующей «Песней», призывавшей родной народ смело подняться навстречу наступающей нови. Когда в конце 1917 года в Шебалино возник первый Совет, Мундус-Эдоков оказал содействие его деятельности без колебаний. За это во времена реакции и разгула каракорумовщины, в июле 1918-го, карателями белогвардейского офицера Сатунина он был подвергнут наказанию — получил пятьдесят ударов розгами. Только чудом избежал расправы: заступились земляки, уговорили не губить единственного учителя.

С установлением Советской власти в горах Алтая и образованием автономной области Мундус-Эдоков активно включается в общественную жизнь. Работает поначалу в переводческой комиссии, которая занимается переводами на алтайский язык документов партии и правительства, принимает деятельное участие в выработке новых норм алтайского литературного языка в соответствии с духом времени. Начинается всплеск творческой активности Мундус-Эдокова: он принимается за одно из важнейших и безотлагательных дел — составление школьных учебников. Ему принадлежат первые книги для чтения в алтайских школах. «Ойрот школа» издана в Москве в 1924 году, через год выходит в Улале сборник «Тан Чолмон» («Утренняя звезда»). Если учебники других авторов содержали в основном материалы политграммы, то учебники Мундус-Эдокова представляли собой художественные сборники, состоявшие из материала его собственных творений.

В двадцатые годы вышли его книги «Светоч» (сборник стихов и басен, Улала, 1929), «Невестка» (пьеса, Улала, 1927), «Прежде и теперь» (пьеса, Улала, 1928). В 1959 году книга «Светоч» переиздана. Новое, значительно дополненное издание — в 1979 году. Вот и весь небольшой перечень его изданий, исключая публикации в коллективных сборниках, областных газетах, хрестоматиях и школьных учебниках. К сожалению, в настоящей книжке поэзия Мундус-Эдокова представлена в гораздо меньшей степени, чем двух других авторов.

Внимательный читатель, очевидно, уже заметил, что творчество Мундус-Эдокова наряду с Чагат-Строевым определяет уровень алтайской советской поэзии 20-х годов. Оно, это творчество, также зиждется на родном фольклоре. Вместе с тем Мундус-Эдоков творчески продолжил поэтические традиции своего предшественника М. Чевалкова. Прежде всего это проявилось в поэтике его произведений, дидактически-назидательном характере, аллегоричности, обращении к сюжетам народных легенд и преданий, сказок о животных. У него появился и новый компонент — четко выраженный лиризм, индивидуальное начало. Разнообразнее и ритмическая структура стиха. В переводах произведений русских писателей он придерживается не принципов общего переложения применительно к алтайскому ладу, а старается сохранить и довести до читателя оригинальный поэтический облик переводимого автора.

Главным моментом в его поэзии является морально-нравственный аспект, но в прозе и особенно драматургии преоб-

ладают сатира и гротеск, которыми он разит и бичует язвы прошлого. Характерны в этом плане его аллегорические поэмы и такие пьесы, как «Калым», «Трубка», «Прежде и теперь», а в особенности «Невестка». Эти вещи занимают значительное место не только в его собственном творчестве, но и во всей алтайской литературе 20-х годов. Правда, не все пьесы Мундус-Эдокова были изданы, некоторые, быть может, безвозвратно потеряны для потомков. Жаль.

Коренной перелом в социально-экономической жизни и гигантская историческая перестройка в масштабах обновляемой страны с самого начала определили дух и пафос нашей алтайской литературы. Выход в свет газет на родном языке, таких, как «Кызыл-Ойрот», «Белен бол!» («Будь готов!»), «Ойрот комсомол» и других, создание областной Литколлегии, национального издательства, переводческой комиссии, составление на родном языке школьных учебников и хрестоматий — все это в совокупности сыграло исключительную роль в становлении и поступательном развитии новой алтайской литературы, коренным образом отличавшейся от дореволюционной.

Уже не одиночки и подвижники, а целая плеяда из самых глубин народа пришла в литературу. Чистые и светлые люди, полные боевого, революционного энтузиазма и вдохновения, пели о великом времени. Недаром их стихи назывались прежде всего «кожон» — песня. И создавались эти гимны порой малограмотными людьми на высоком художественно-поэтическом уровне. Многие из произведений тех лет и теперь созвучны нашим чувствам и помыслам.

Павел Александрович Чагат-Строев был одним из тех поэтов, которые зачинали эти гимны на заре новой жизни. Его выдающаяся роль еще только осознается и оценивается общественностью Горного Алтая. Надо прямо признать, что его имя и творчество, хранившееся в народной памяти, вернул потомкам XX съезд КПСС. Достаточно только раз прочитать его произведения, чтобы убедиться: странный навет на него — не более чем недоразумение, стоившее ему, правда, жизни и двадцати лет умолчания.

Столетие со дня рождения поэта отмечалось в этом году литературной общественностью автономной области, представителем которой во ВЦИК он избирался в 1922 году на X Всероссийском съезде Советов. И, надо сказать, это был первый юбилей певца Октябрьской революции, зачинателя поэтической ленинианы в алтайской литературе. Таким образом, наступило заслуженное, хотя и запоздалое, признание.

Вся его жизнь, с ранних сиротских лет, когда он лишился

отца, а затем и матери, была связана с Чуйским трактом, этой жизненной артерией Горного Алтая. Весь тракт он прошел насквозь — от Бийска до Монголии. Двенадцать лет он был батраком у онгудайского купца Филатова, который вел транзитную торговлю с соседней страной. Как никто другой, Чагат-Строев сполна хлебнул горечи, увидел бедность, бесправие простых людей — алтайцев, русских, монголов. Все это крепко-накрепко отложилось в его сознании.

Исследуя творчество Чагат-Строева, другой замечательный поэт Лазарь Кокышев отмечал, что «так может писать только поэт, который был сыном своего народа, делил с ним горе и радости. «Кара-Корум» написан кровью сердца». Именно кровью. Просчитались те, кто пролив алую кровь поэта революции, чужими холодными руками надеялись похоронить его навсегда для будущего. Черная хула каракорумовцев, которых он развенчал в поэме так яростно и ярко, никогда не бросит тени на светлый образ — поэзия Чагат-Строева с нами, она живет и работает на правду и гласность. Как ныне, так и по отношению к прошлому. Прозрев, мы обретаем истину. В отношении литературных предшественников — тоже.

Эпичность, тяга к созданию широких исторических полотен наиболее ярко проявились в таких поэмах Чагат-Строева, как «Мудрый богатырь», «Кара-Корум», «Три песни», а высокий накал гражданственности в сочетании с лирикой — в его стихах и песнях.

Поэма о Ленине вышла в 1925 году, то есть непосредственно после кончины вождя, и это указывает на то, что автор первым в алтайской поэзии и, быть может, вообще среди национальных литератур Сибири ярко воспел бессмертный образ. А его стихотворение «На кончину Ленина» — как прелюдия к написанию эпической поэмы — создано в форме народного плача. Теперь очевиден и тот факт, что поэма «Зажглась золотая заря» П. В. Кучияка могла быть создана лишь после творческого освоения чагат-строевской вещи. Она действительно появилась лишь десять лет спустя и в ней довольно заметно влияние «Мудрого богатыря», творческого метода опоры на эпос.

Появление поэмы вызвало огромный интерес у алтайских читателей, которые сердцем и слухом привыкли к эпическим канонам отображения действительности. Поэтому они восприняли очень чутко это произведение как эпический сказ, как «кай чөрчөк» о новом, необычном герое времени — вожде Ленине. Во многих урочищах и долинах Алтая неоднократно устраивались коллективные читки поэмы — прекрасная тра-

диция, которую не мешало бы возродить и нам. Помечтаем услышать эту поэму в исполнении горловым пением с большой сцены нашим молодым талантливым кайчи, и не только в юбилейные дни Октября.

Поэт вполне сознательно обратился к эпической повествовательной традиции как к единственно возможному, наиболее естественному художественному методу. Он так раскрыл свой замысел: «В наших героических сказаниях богатыри всегда борются за справедливость, за лучшую жизнь, выступают защитниками обездоленных в борьбе с многочисленными могучими врагами. Вот почему я решил показать историю Октябрьской революции, следуя традициям устного поэтического творчества с тем, чтобы она была доступна и понятна алтайскому народу». Вот и вся политграмма. И лучше нельзя было придумать. А каково воздействие — подумать только! Мы, сегодняшние профессионалы, едва ли сможем найти столь простую и столь совершенную форму самовыражения...

Всего двумя годами позже публикации «Мудрого Богатыря», к 10-летию Октября, выходит в свет отдельным изданием другое, уже монументальное эпическое полотно — поэма «Кара-Корум», где чеканным и торжественным слогом великого эпоса Чагат-Строев почти с документальной точностью и большой художественной экспрессией воспроизвел события гражданской войны в Горном Алтае, историю авантюристического создания и бесславного падения Кара-Корумской управы — этого контрреволюционного учреждения, рожденного при непосредственном участии сибирских эсеров-областников и меньшевиков. При этом враги Советской власти использовали тщеславные устремления национальной буржуазии — баев и торговцев, немногочисленной прослойки интеллигенции, сложившейся к тому времени из числа тех, кого выпестовала православная миссия — этот отъявленный непримиримый враг трудовых масс, который, не удосуживаясь одним лишь формальным крещением, отнимал и отторгал в свою пользу лучшие земли, иссушал и вынимал саму душу народа, пытаясь превратить весь Алтай в свою огромную вотчину, «божью землю», где влачили бы существование, выражаясь современным термином, одни лишь послушные им, безропотные «манкурты» без чести и достоинства.

Но трудящиеся Горного Алтая — алтайцы и русские — быстро раскусили суть Горной Думы и Кара-Корумской управы. Тут, под фальшивой вывеской национального самоопределения, оказалось, самым мирным и дружным образом иживаются, хозяйничают сполна, еще пуще чем прежде, именитые баи, «лучшие люди» — якшилары капиталистиче-

ского образца, горластые кулаки и купцы, длинноволосые попы — все те, кто обирал и объедал вчистую народ, как крещеных, так и кочующих «язычников». Тут и вся разномастная когорта, «господа бродяги», бежавшие в горы, подальше от бурлящей революции. Нет в Кара-Коруме только подлинных представителей трудящихся, нет самого народа, от имени которого все эти самозванцы вершили свои кровавые дела, науськивая друг на друга людей по национальному признаку. Документальность поэмы отмечалась еще С. С. Суразаковым. И действительно, достаточно только поднять протоколы учредительного сборища Кара-Корума, чтобы убедиться в его истинном характере. Кроме художника Г. И. Гуркина, избранного для прикрытия зловещей белогвардейской сущности Кара-Корума, там нет алтайцев — выходцев из глубин народа.

Апофеоз поэмы — полный и окончательный разгром этого уродливого монстра, перевоплощения православно-монархического, колониального Алтая. Особо глубокое впечатление оставляет завершающая глава о снежном походе партизан через Теректинский хребет.

В своих поэмах Чагат-Строев был на пути к созданию своего рода нового эпоса о революционных этапах развития, узловых моментах жизни Горного Алтая. Как знать, какие еще произведения могли появиться из глубин горячего сердца, сложись его жизнь не так, если бы не роковой 1937 год...

На следующем витке развития нашей литературы творческие принципы и поэтические традиции Чагат-Строева были подхвачены другим поколением. Наиболее заметно отразились они в поэзии Лазаря Кокышева, который считал его своим творческим учителем. Достаточно указать на поэму «Туба» — явление, с которого, собственно говоря, начинается современный этап развития алтайской литературы.

На высоком и крутом рубеже 70-летия Великого Октября мы впервые подводим творческие итоги своего развития за эти десятилетия. Помнить нравственный и творческий подвиг своих предтеч и продолжать их дело — наш долг и наша задача.

Это — слово о предтечах.
Всякая река имеет свое течение.
Свое оно и у нашей литературы.

Б. БЕДЮРОВ,
отв. секретарь Горно-Алтайской областной писательской организации

Август—сентябрь 1987 г.

СОДЕРЖАНИЕ

МИХАИЛ ЧЕВАЛКОВ

Пахарь и Охотник. Поэма. Перевод Александра Плитченко	6
Спор Араки с Чаем. Поэма. Перевод Александра Плитченко	12
Звери Алтая. Поэма. Перевод Владимира Берязева	21
Бедный Крот и богатая Сорока. Басня. Перевод Владимира Берязева	26
Сеноставка и ленивая Лягушка. Басня. Перевод Владимира Берязева и Александра Плитченко	30
Бабочка и Пчела. Басня. Перевод Владимира Берязева	35
Ворона. Басня. Перевод Александра Плитченко.	37

ПАВЕЛ ЧАГАТ-СТРОЕВ

Мудрый Богатырь. Поэма. Перевод Ольги Мухиной	39
Кара-Корум. Поэма. Перевод Александра Плитченко	52

МИРОН МУНДУС-ЭДОКОВ

Песня. Перевод Александра Плитченко	95
Весенние радости. Перевод Александра Романова	97
Ученикам. Перевод Александра Романова	99
Лошадь. Перевод Александра Романова	100
Пьяница и Трезвенник. Поэма. Перевод Александра Романова	101
Состязание. Перевод Александра Романова	110
Б. Б е д ю р о в. Слово о предтечах (Вместо послесловия)	113

МУДРЫЙ БОГАТЫРЬ

Поэмы, стихи, басни

Переводы с алтайского

Ответственные за выпуск В. А. Бочкарев, З. Ш. Шинжина.
Худ. редактор В. И. Ортогулова. Тех. редактор Е. К. Манышева. Корректор Л. А. Патагашева.

Сдано в набор 01.09.87. Подписано к печати 18.09.87. АН 12772.
Формат 70X100 1/32. Бум. тип. № 1. Гарнитура журнальная
рубленая. Усл. п. л. 5,48. Уч-изд. л. 5,88. Тираж 3000 экз.
Заказ 3184. Цена 65 коп.

Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства. 659700, г. Горно-Алтайск, ул. Горно-Алтайская, 36.
Горно-Алтайская типография, пр. Коммунистический, 27.

